

Елена Ямбос

Лесенки и змейки

Елена Ямбос

Лесенки и змейки

«Издательские решения»

Ямбос Е.

Лесенки и змейки / Е. Ямбос — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903395-6

Наташа уезжает из России в начале 90-х, оставляя свои личные проблемы позади. И хотя поначалу ей удастся обрести душевный покой, длится это недолго. Когда ее злосчастия в чужой стране достигают апогея, ее настигает прошлое: те неразрешенные личные проблемы, от которых она когда-то бежала, обрушиваются на нее с новой силой. Неожиданно поднимается волна из еще более далекого прошлого, окруженного многолетним молчанием и тайной, подхватывает ее и выносит на новый берег...

ISBN 978-5-44-903395-6

© Ямбос Е.

© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	19
ГЛАВА 4	24
ГЛАВА 5	31
ГЛАВА 6	38
ГЛАВА 7	44
ГЛАВА 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Лесенки и змейки

Елена Ямбос

© Елена Ямбос, 2018

ISBN 978-5-4490-3395-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Любовь к мудреным словам может завести человека очень далеко. Если в детстве вместо сказок он читает «Словарь иностранных слов»; если Глагол представляется ему добрым дедушкой с окладистой белой бородой, а Гипотенуза – тощим созданием с длинным телом и короткими ножками, с острой мордочкой и в шляпке; если при всей его неприязни к математике слова «тангенс-котангенс» и «синус-косинус» звучат музыкой и кажутся ему магическими заклинаниями древнего племени; если он влюбляется в основоположников языкознания Фердинанда де Соссюра и Бодуэна де Куртенэ; если в минуты невзгод он истово повторяет, как молитву: «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудлает бокрѣнка»; если он знает, что у Ремарка пьют ром, а у Диккенса – эль... то такой человек, скорее всего, обречен.

Он легко и играючи выучит иностранный язык, и рано или поздно неведомая сила подхватит его и унесет, как перышко, в дали дальние, края заморские, иностранными словами, как яркими огнями, манящие.

И в этих даях дальних и краях заморских он, вполне возможно, будет бедствовать, страдать, скучать по друзьям и родным, тосковать по своей несчастной родине, – но ни разу, ни на минуту, ни на секунду не усомнится в том, что находится в том месте, в котором ему и надо быть, и что путь его – единственный, который только можно было выбрать из всех существующих. И пусть он, как в детской настольной игре, будет карабкаться вверх по лестнице, выбиваясь из сил, и пусть с ее ступенек его будут много раз смахивать своими хвостами змеи, – он твердо верит, что в конце концов его добрые друзья Фердинанд де Соссюр и Бодуэн де Куртенэ придут ему на помощь. Они прогонят змей, протянут ему руки и вытащат его наверх.

Послышались возня, топот, глухие удары, сердитые возгласы. Наташа приоткрыла глаза.

– Вы деретесь там, что ли...

– Мы проспали, – донеслось до нее.

– О Боже, – Наташа села в кровати. Голова закружилась.

– Не волнуйся, спи, мы уже готовы. Клайв – святой человек! – не уехал. Ждет нас, – просипел Майкл.

– Шарф надень...

– Угу. (Что я – дурак, в шарфе?..).

– Лора, балетки не забудь, бэйб.

– Угу. (Ах, черт! Куда я их вчера засунула?).

Выходя, Майкл и Лора прокричали: «Бай, мамми! Бааай! Бай! Бай—бай—бай... Лав ю, лав ю, бааай!». Майкл – голосом простуженным и хриплым, Лора – звонким и певучим. Наташа ответила им из спальни голосом сиплым и срывающимся, как у только проснувшегося пожилого петуха.

Слышалось удаляющееся бормотание Лоры: «Говорят тебе, дураку, шарф надень... У тебя же горло болит...»

Дверь хлопнула, автобус взрычал и уехал. Наташа еще немного посидела, натянув одеяло до подбородка, положив под спину подушку и стараясь удержать остатки дремоты и тепла. Где они, Фердинанд с Бодуэном? Почему ее не замечают?

Она кряхтя вылезла из постели. Что-то она в последнее время слишком много кряхтит. Прибрела на кухню и поставила чайник.

Пока ждала, когда он закипит, тупо смотрела в стену напротив, на пятно, похожее на слона без одной ноги. Года четыре назад Майкл выронил бутылку с растительным маслом.

Очень расстроился. Наташа сказала: «Хорошо, что не на трамвайную линию!». Он не понял и расстроился еще больше. У них в городе и трамваев-то нет. Масло они отчистили, но вместо него остался безногий слон. Что, если пририсовать ему глаза и сделать вид, что это – уолл-арт?

А на потолке – дыра. Ее под уолл-арт уж никак не подогнать. Время от времени Наташа заклеивала ее клейкой почтовой лентой и закрашивала белилами, но белила желтели, а лента отклеивалась. Дыра снова начинала зиять, как безобразный желтый нарыв. Когда лил дождь, из нее капало. Наташа ее побаивалась. Приходили на ум детские страшилки: «И вот ровно в полночь раздвинулся потолок, и оттуда вышла белая тетенька в желтых тапочках». Однако – лучше тетенька в желтых тапочках, чем сантехники с их ценами. Денег у Наташи не было.

Чайник наконец с громким шумом закипел. Он трясся, плевался кипятком и ругался по-своему, по-чайнически. Надо бы его заменить, в который раз подумала она, и бросила пакетик в любимую облезлую кружку. На ней почти стерлись сердечки и цветочки, но еще оставалась надпись «Love you, Mummy». Налила кипятку, добавила молока и помяла пакетик ложкой, пока не получился красивый кремовый цвет.

Лет сорок назад одна девочка из ее группы пришла в детский сад в изумительных резиновых сапожках. Они были именно такого цвета. При их виде у четырехлетней Наташи сразу же возник во рту вкус какао и булочкой с маком и сахарной пудрой.

Но одним только цветом исключительность сапожек не исчерпывалась.

На внешних сторонах их голенищ красовались прелестные ярко-желтые утята с красными клювиками и красными же ножками. Как на картинках Сутеева. Утята были рельефные, выпуклые. От этого они казались живыми.

Сапожки оставили в Наташиной памяти неизгладимый след. Однажды осенним вечером они с мамой шли из садика домой. Лил дождь, земля с газонов оползнями растеклась по раздолбанному тротуару, грязь облепила Наташины черные резиновые сапоги и мамины бежевые чехословацкие туфли. Они перескакивали с кочки на кочку, и мама дурашливо причитала, что в туфлях у нее одна грязь, они прохудились, а денег на новые нет. Наташа пообещала, что когда вырастет, заработает много денежек и купит ей резиновые сапожки с желтыми утятами.

Наташа допила чай. Подумалось: «Живительная влага вернула ее к жизни». Головокружение прошло, боль в спине начала утихать. А после душа даже появилось нечто вроде прилива бодрости. Во всяком случае, она перестала чувствовать себя больным подопытным животным.

Натянув темно-синюю хэбэшную тунику с белой оторочкой, привычно подумала: слава Богу, что есть униформа и не надо ломать голову, что надеть. Как одеваться в сорок девять лет? Уже давно не молодая, но не носить же нейлоновые цветастые платья с трикотажными кофтами, как все бабульки тут. А если одеваться по-молодежному, то возникает опасность казаться овцой, притворяющейся ягненком. Или бараниной под соусом для ягнатины – что-то вроде этого.

По дороге на работу она поразмышляла над тем, что вот она – бедная, несчастная, нищая и одинокая – а едет на службу на своей машине. И у нее есть свой дом, без ипотеки, пусть и плохонький; и сын с дочкой, старшие школьники; и живут они вдвоем душа в душу. И, несмотря на недавнюю потерю, не было и нет никаких подростковых проблем вроде скандалов, криков, убеганий из дома и дурных компаний (тьфу три раза). И у нее есть две работы – эта и другая, любимая. И когда она накрашена и приодета, то совсем не гнусна лицом. И еще она стройная, сорок четвертый размер, и вообще – дама, приятная во всех отношениях! И денек сегодня хороший, так тепло, сухо, солнечно – весна пришла!

На работу она приехала, почти совсем прибодрившись. Уже на парковке перед зданием «Санни Маунт» (мама бы сразу переименовала его в «Ссанный Маунт») висел в воздухе устойчивый характерный запах немощи, старости и «выделений из организма». Она привычно, не глядя, быстро понажимала на входной двери на кнопки кода с полустертыми цифрами

и вошла внутрь. Запах полоснул в ноздри еще резче. Минуты три, и она перестанет его замечать.

В предбаннике толпился народ обеих смен – ночной, уходящей, и утренней, заступающей. Все галдели, пахло сигаретным дымом.

– Кто это тут курил и нарушал закон? – спросила она грозно. Все заговорили разом:

– Путин пришел!

– Наташа!

– Это Трэйси курила.

– Я же в окошко...

– Она в окошко всем телом высунулась, Данкан ее за ноги держал.

– И не только за ноги...

– Заткнись, дурак, – беззлобно огрызнулась Трэйси.

– А сама опоздала. Ох, уж эти русские!

Наташа сказала, что вовсе не опоздала, до начала работы еще пять минут. Нечего придраться к беззащитной невинной девушке.

Началась пересменка. Дениз доложила о каждом, как их тут называли, резиденте, его/ее самочувствии, настроении и сне. Вчера поступил новенький – зовут его Гарри Фрэйзер, семьдесят восемь лет, с деменцией. Лежал в больнице, из которой его выписали сюда на неделю, чтоб поправиться, так как родственников у него нет и ухаживать за ним некому. Есть, правда, какой-то парень, то ли друг, то ли сосед, приезжал иногда домой к нему помогать по хозяйству... Гарри перенес личную трагедию много лет назад. «А что за трагедия?». У Дениз уже нет времени пускаться в подробности, пусть все ознакомятся на досуге с его личным делом. «На каком досуге? Она шутит?». Ну, будет же у них затишье. «А на какой стадии деменция? Он агрессивный? Спит по ночам или бродит? У него есть недержание?». Читайте его личное дело, вся информация там, все грамотные. Дениз свою смену отработала, и ей пора домой.

Ночная смена ушла домой, а Наташа, Трэйси, Шарон и Су, быстро распределив, кто кого, согласно профессиональному жаргону, будет «делать», принялись за работу. Наташа с Трэйси взяли себе по трем – опять же согласно жаргону – «одиночникам» каждая, а Шарон с Су – троих «двойников». Нового дяденьку, решили они с Трэйси, будут «делать» вместе, так как тут – неизведанная территория. Наташа с тоской думала, что опять придется привыкать к новому лицу, новым привычкам, новым капризам и странностям... Шарон сказала, что он и с деменцией, и агрессивный, и не спит... Ладно, нечего заранее расстраиваться, думала она, поднимаясь на лифте к Китти.

Китти, девяностолетний божий одуванчик, лежала под периной и внимательно рассматривала потолок. Заулыбалась, увидев Наташу:

– Что, уже пора вставать?

– Да, Китти, милая, доброе утро! Давайте, я вам помогу встать, – Наташа начала мягко и медленно поднимать Китти согласно всем правилам: придерживая за спину, посадила ее на кровати, развернула всем корпусом, опустила ее ноги на пол, опять придерживала за спину, дала ей опереться на свою руку и, осторожно поставив Китти на ноги, подвела ее к умывальнику... Под громкий скрип суставов Китти она вела с ней – как положено – веселый и непринужденный разговор: как спалось? ах, сегодня такая чудная погода...

– Да, я отлично выспалась, дорогая. Прекрасно себя чувствую, – она откинула рукой светло-серый пух со лба. Таким жестом она, наверно, семьдесят лет назад откидывала золотые локоны под восхищенными взглядами окружающих. – Прикажи вывести из конюшни Дэйзи, я покатаюсь верхом после завтрака.

Наташа не стала спорить:

– Хорошо, Китти, я наведу справки, посмотрю, что можно будет сделать.

– А маму мою ты не видела?

– Нет, Китти, сегодня утром не видела, – ласково ответила Наташа.

Китти вдруг заплакала:

– Где моя мама? Я ее так давно не видела! Что с ней? С ней что-нибудь случилось?

– Китти, не плачьте, с ней ничего не случилось, она наверху и счастлива, – как можно мягче сказала Наташа.

– Ну слава Богу. – Китти мгновенно успокоилась. – А можно, я сегодня в школу не пойду?

– Да, можно, сегодня уроков нет, их отменили, – согласилась Наташа.

Так, за разговорами, Наташа обтерла сморщенное тело Китти полотенчиком, смоченным теплой водой с мылом, одела ее, с ее согласия, в сиренево-розово-зеленое нейлоновое платье и нежно-розовый трикотажный кардиган, почистила ей зубы, причесала и усадила в кресло, сказав, что сейчас принесет ей чашечку чая. Про маму и езду верхом Китти, как и следовало ожидать, забыла и радостно закивала, услышав про чай.

Следующим на очереди был Фред. Он уже сидел в своем кресле, полностью одетый, в зимнем пальто и кепке. Под пальто на нем были два пуловера, пиджак, рубашка и пижама. Пижаменные брюки насквозь промокли. К счастью, Фред был в отличном расположении духа и беспрепятственно дал себя помыть и переодеть под Наташину отвлекающую и зубо-заговаривающую болтовню. Он радостно сообщил ей, что сегодня – свадьба его дочери, и в шесть-тридцать вечера он должен быть в церкви. Он говорил это каждое утро в течение уже шести лет.

На Фрэнсис – милую покладистую старушку – много времени не ушло. Наташе хотелось остаться с ней подольше, поговорить с ней о том о сем, но к сожалению, работы было еще невроворот и надо было поторапливаться. Наташа помогла ей помыться и одеться, проводила ее из спальни в гостиную, усадила в кресло, обложила подушками и укутала пледом. С чувством легкой вины – всегда приходится уйму времени тратить на привередливых и склонных к буйству и экономить на безобидных и беспроблемных! – пошла в предбанник на десятиминутный перерыв.

Там уже все собрались. Шарон и Су помыли, одели и усадили с помощью хойста одну из своих «двойников», столетнюю Дороти, в ее огромное, мягкое, специально оборудованное кресло со всякими кнопками – подарок от родственников. Многие взрослые дети, часто уже сами бабушки и дедушки, осыпали своих престарелых родителей дорогими и ненужными подарками – хитроумными креслами, телевизорами, ноутбуками и совсем уж бесполезными мобильными телефонами. Старики даже и не знали, что это такое. Наташа считала, что это делалось из чувства вины. Ведь должны же дети чувствовать какую-то неловкость от того, что сдали своих мам или пап в дом призрения?

Трэйси тоже «сделала» двух своих «одинокчиков». Айлин никак не хотела вылезать из постели, притворялась спящей и не поддавалась никаким уговорам. В конце концов заорала на Трэйси: «Пошла вон отсюда, сука!», прибавив еще пару крепких словечек. Трэйси расхохоталась – все уже давно привыкли к оскорблениям и не принимали их всерьез – и ответила, что тоже ее очень любит и зайдет попозже. После того, как помогла одеться другому резиденту, Дереку, снова зашла к Айлин, и та была уже как шелковая и даже не помнила, что только что обложила Трэйси матом.

С Дерекком была небольшая проблема: он опять вытянул из себя катетер. Каждый раз при словах «Дерек вытянул из себя катетер» у всех – особенно у мужчин – страдальчески кривились лица. Большую часть времени Дерек не обращал на катетер внимания, но бывали моменты, когда он вдруг как будто в первый раз замечал трубку, выходящую из интимного места, и полиэтиленовый мешок, пристегнутый к ноге. Тогда он изумлялся, сердился и избавлялся от них. Должно быть, ему при этом было очень больно.

Дерек вышвырнул катетер с мешком в коридор. Трэйси чуть не упала, запнувшись о валяющиеся на полу трубки и полиэтиленовый мешок, наполовину заполненный темной, мутной мочой. Наташе пришлось потратить время своего перерыва на телефонный разговор с патро-

нажной медсестрой. Медсестра уже хорошо знала и Дерека, и его обыкновение вытягивать катетер. Говоря с ней, Наташа ясно представила ее страдальчески исказившееся лицо. Медсестра сказала, что придет часа в четыре, чтобы его снова ввести.

– Ну, ребята, нечего расслаживаться, перерыв давно закончился, – вздохнула Наташа. – Су и Шарон остался один «двойник», а нам с Трэйси – новый дяденька.

– Зверь, а не начальник, – сказала Су.

– Я же говорю – Путин! – поддакнула Шарон.

– Где вы видели добрых русских? – потягиваясь, спросила Трэйси.

– Давайте бунт устроим? – предложила Су.

Перед дверью комнаты нового резидента Наташа и Трэйси на мгновение задержались и обменялись взглядом: неизвестно, что нас там ждет, но соберемся с духом, будем готовы ко всему и встретим что бы там ни было с мужеством и стойкостью. На войне как на войне.

Почему-то с мужчинами в домах престарелых было, как правило, труднее, чем с женщинами.

Они постучались в дверь и вошли с профессионально-приветливым: «Доброе утро, мистер Фрэйзер, очень рады Вас видеть, хорошо ли спали, что снилось на новом месте, меня зовут Трэйси, а меня Наташа, мы будем ухаживать за вами, надеемся, мы подружимся»... Гарри сидел в кресле в пижаме и халате и молча слушал. Вопрос о том, как он предпочитает, чтобы к нему обращались – мистер Фрэйзер или Гарри – он проигнорировал. Гарри был лыс, с растрепанной белой бородой, кустистыми седыми бровями и кудрявыми, тоже седыми, волосами, торчащими из носа и ушей. На Льва Толстого похож, подумала Наташа. Комната его была еще не обжита, еще не было фотографий на стенах и на тумбочках и картин на стенах, которые потом расставляют заботливые родственники. Ах да, у него ведь нет никаких родственников...

Он не сводил глаз с Наташи.

– Ты когда приехала? – вдруг спросил он.

– О, давно! Почти четверть века назад. Но все еще, как видите, не могу избавиться от акцента. До сих пор меня спрашивают, откуда я.

– Она прибедняется, акцента у нее почти нет – просто как будто у нее легкий дефект речи, – сказала Трэйси.

Наташа незаметно пнула ее.

– Ну что, Гарри, будем собираться на завтрак? Вы позволите нам помочь Вам?

Гарри позволил. Во время его обтирания и одевания он не проронил ни слова и все так же, не отрываясь, смотрел на Наташу. Глаза у него были темно-серые или темно-синие, а взгляд – недоверчивый и какой-то... растерянный. Она с облегчением отошла от Гарри, когда они усадили его за стол вместе с другими резидентами и пошли на кухню за подносами с завтраком.

Повар уже был на кухне, делал тосты и раскладывал их по тарелкам.

– Данкан, а наш новый резидент в Наташу влюбился! – сообщила ему Трэйси.

– Да ну? У меня, похоже, соперник. Придется его пристукнуть половником.

– Данкан, Данкан... какая кровожадность, какая склонность к насилию, какое бессердечие! Как ты мог такое сказать, как только у тебя язык повернулся? Не ожидала я от тебя... – Наташа приложила руку ко лбу и посмотрела на него глазами раненой газели. – А я-то уже собиралась сказать тебе «да»...

Подожли Су и Шарон:

– Что за страсти?

– Да вот, Данкан из ревности к Наташе соберется Гарри прикончить, – объяснила Трэйси.

– Данкан, тебе-то какая разница? Ты же пуг, – удивилась Су.

Остаток смены прошел в непрекращающейся – за исключением получасового перерыва на обед – изнуряющей круговерти. Времени и сил на шутки и балагурство уже не оставалось. Накормить резидентов завтраком, раздать лекарства, собрать подносы, сменить постельное

белье, прибрать в комнатах, помочь им сходить в туалет... Потом подошло время для кофе; только убрали чашки, блюда и тарелки – уже надо накрывать столы для ланча... При этом троим пришлось полностью переодевать заново: Дороти пролила на себя суп, у Айлин и Дорис произошли «выделения из организма». Фреда во время очередного подсчета голов не могли найти, а он мирно спал в ванне... Как он туда забрался, было непонятно, только вот выбраться оттуда он сам не смог и заснул. Чтобы не повредить ему руки, ноги, спину и шею, пришлось выкатывать хойст и извлекать его оттуда с помощью этого приспособления. К тому же хойст оказался незаряженным – какой-то умник забыл его включить – и пришлось ждать минут десять, а в это время развлекать Фреда разговорами.

Наконец стрелки часов показали два часа – конец смены. Наташа провела пятиминутную летучку для подошедшей дневной смены, сказала, что в четыре часа к Дереку придет медсестра, и дала всем небольшой нагоняй на предмет, чтобы не забывали поставить хойст на зарядку, а то из-за чьей-то безмозглости они сегодня потеряли десять минут драгоценного времени.

Наташа все еще не переставала иногда удивляться про себя, каким это образом она оказалась на совершенно не нужной ей руководящей (хоть и небольшой) должности на совершенно не интересной ей (хоть и нескудной) работе. Лора считала – это от того, что она очень добросовестная, и все, что бы ни делала, она считает своим долгом выполнять хорошо и качественно.

Через десять минут взмыленные, уставшие, раздраженные и взвинченные, женщины утренней смены расходились по домам. На парковке, рассаживаясь по машинам, Трэйси и Шарон договаривались о встрече в городе. Трэйси крикнула:

– Наташа, любовь моя, часа в четыре подкатывай к «Ниро»! Кофе попьем с пирожными!

– Девочки, я бы с радостью, но у меня перевод, не могу.

– А ты, Су? Придешь?

– Спятили? Это вы, молодые, еще скакать можете, а мне сейчас – душ, диван, телевизор, бокал вина и баиньки.

– А мужичка тебе не надо? Мы в «Ниро» присмотрим и подошлем, тебе какого – молодого, старого, брюнета, блондина?

– Молодого брюнета, латино-американского типа.

– Она еще копается. В твоём возрасте любому должна быть рада.

– Да пошли вы в задницу, проститутки, – ласково попрощалась с ними Су.

Девочки опять забалагурили – значит, возвращались к жизни.

ГЛАВА 2

Вернувшись домой, Наташа приняла душ, наскоро пообедала и в махровом халате на голое тело, с мокрыми волосами, села за перевод. Какая хорошая у нее работа – можно ее делать не выходя из дома, в халате ли, в пижаме – все равно, можно даже в постели. Никаких сослуживцев вокруг, никто не действует ей на нервы, разве что Пафнутию вздумается пристроиться прямо на лаптопе. Обычно они с котом всегда приходили к компромиссу: согнанный несколько раз с клавиатуры, Пафнутий пристраивался в узком пространстве между ноутбуком и принтером. Там он Наташе не мешал и только напоминал о своем присутствии громким сопеньем. Если у Наташи был срочный перевод и надо было работать ночью, Пафнутий спал за поднятой крышкой лаптопа всю ночь. Изредка он потягивался, и тогда передние и задние лапы с хвостом выпрастывались по обеим сторонам крышки, а в щель между крышкой и клавиатурой пробивалась шерсть. Наташа любила легонько щекотать его бок, просовывая в эту щель ручку. Пафнутий не обращал на щекотания никакого внимания.

Наташа проработала часа два, не вставая из-за стола. Пафнутия дома не было. Текст был нетрудный, лексика знакомая и привычная. С клиентом – отделом социальной работы местного муниципалитета – она работала уже много лет.

Пару раз за утро звонил телефон, один раз заботливым голосом интересовались, не хочет ли она сменить поставщика газа и электричества, потому что она, возможно, переплачивает, а во второй раз, только услышав в трубке такой же казенно-заботливый голос, спросивший «миссис Нэтэша Уотсон?», она ответила, что миссис Уотсон нет дома, а это ее уборщица, и положила трубку.

Телефон звонил еще два раза. Она не отвечала. Стоит только один раз отвлечься... Сделав почти восемьсот слов, Наташа вдруг застряла на простой фразе «mid-morning snack», не смогла с ходу придумать, как ее перевести поофициальнее, чтобы был не «перекус», и внезапно почувствовала, что ужасно устала. Отругав себя за тупость и тут же придумав себе оправдание «чем проще фраза, тем сложнее ее переводить», она решила, что на сегодня хватит. Майкл и Лора вернутся часа через полтора, сейчас она пойдет на кухню, сделает себе «late afternoon snack» (вот для этого есть «полдник», а для «mid-morning snack» – ничего), отдохнет с полчаса, а потом приготовит им ужин.

Наташа легла на диван и приказала себе не спать. Если заснет, то и ужин не приготовит, оставив детей некормленными, и вечером заснуть не сможет, перебив себе сон. За чтение лучше не приниматься, после двух страниц она уж точно заснет; лучше включить телевизор, но и тут гарантии нет... В комнату вошел Пафнутий, вернувшийся с гулянки, постоял на пороге, глядя на нее, как будто сказал «а, ты дома» и, решительной походкой подойдя к дивану, вспрыгнул к ней на живот. Наташа ойкнула, и он начал мурлыкать, перебирая лапками и слегка выпуская когти.

Это перебирание лапками Пафнутий перенял у соседской кошки. С ней он познакомился не так давно. У Пафнутия было счастливое детство, они его взяли семинедельным котенком, и по всем правилам, никаких вредных привычек у него не должно было быть. Их и не было, пока Наташина соседка не приютила молоденькую кошечку Хетти. Хетти, по всей видимости, сбежала из своего дома. Позднее выяснилось – из-за собаки. Пафнутий с Хетти подружились, заходили друг к другу в гости – и на старости лет Пафнутий вдруг стал перебирать лапками, как все кошки, у которых были проблемы в детстве. Не забыть бы, кстати, зайти к соседке...

– Ну что, Пафнутий, будем смотреть телик? – Наташа потянулась за пультом на столике перед диваном, немного сместив кота. Он тут же обиделся и спрыгнул, оттолкнувшись лапами от ее живота. Наташа опять ойкнула и начала переключать каналы: брексит, Тереза Мэй что-то там сказала и куда-то съездила, шоу-викторина «Pointless», фильм, в котором злобный лев

кидался на Лэндровер с забившейся в него семьей из четырех человек. Лев уже, похоже, расправился с гидом, бездыханное тело которого лежало на земле рядом с машиной, и теперь хотел скушать остальных. Еще какой-то фильм, то есть его конец, где герои уже сидели, завернувшись в одеяла, в дверях «Скорой помощи» и пили кофе из пластиковых стаканов, а мимо проносили носилки с чьим-то телом – видимо, злодея, которого постигла заслуженная им плачевная участь в результате недавней решающей схватки.

Наташа выключила телевизор. Она почувствовала, что кожу на лице стянуло после душа и подумала, что теперь надо взбираться наверх за кремом, но вспомнила, что она позавчера купила баночку крема, который сильно рекламировали, и так и не выложила ее из сумочки. Сумочка валялась недалеко, в прихожей у лестницы наверх, и Наташа, радуясь, что далеко идти не пришлось, пошарила рукой среди смятых чеков, салфеток и скомканных целлофановых пакетов и извлекла из недр сумки баночку вишневого цвета с белой крышечкой.

Ну-те-с, ну-те-с, подумала Наташа, отвинчивая крышечку и сдирая фольгу. Ослепительно белая, нетронутая масса с небольшой завитушкой посередине источала упоительный запах.

—

– Ну-те-с, ну-те-с, – сказала Наташа, отвинчивая золотую крышечку от белой гладкой баночки и сдирая фольгу. Ослепительно белая, нетронутая масса с небольшой завитушкой посередине источала упоительный запах.

На этот крем они со Светкой набрали случайно.

По дороге домой они часто заходили в универмаг «Сокольники», просто посмотреть, не «выбросили» ли чего. Иногда можно было наткнуться на какой-нибудь дефицит перед самым началом его выброса и приобрести его – если случалось, что хватало денег, – почти совсем без очереди. У Шурика одна знакомая работала в универмаге «Москва», и как-то осенью он сказал им, понизив голос, что утром там будут «давать» трусы «неделя». Они со Светкой с утра отправились в «Москву» к открытию, но очередь уже вилась с улицы на четвертый этаж. Они простояли в ней почти четыре часа.

Под конец их чуть не растерзали озверевшие бабы. У Наташи оторвались две пуговицы на рубашке. У Светки отлетела пряжка на босоножке. У обеих размазалась тушь.

С тех пор они решили такие очереди больше не выстаивать. Гораздо проще было заходить в магазины просто так, ни на что не надеясь. О том, что собирались выбрасывать какой-то товар, обычно можно было догадаться по едва уловимым признакам: обычно неподалеку от прилавка стояла в напряжении небольшая группа женщин (видимо, из «своих», уже предупрежденных); продавщицы деловито сновали туда-сюда, а не стояли за прилавком с высокомерным видом; грузчики подносили к отделу таинственные коробки; и вообще в атмосфере угадывалось сдерживаемое волнение.

В тот раз Наташа и Света, мгновенно оценив ситуацию, пристроились к группке женщин у отдела «Парфюмерия» – и уже минут через десять вышли из универмага счастливыми обладательницами дефицита. К прилавку уже вытянулась длинная очередь, выходящая на улицу, к хвосту ее подбегали люди с вопросами: что дают? почему? по сколько в руки? Света с авторитетным видом сообщала всем спрашивающим, что «дают финский крем для лица трех типов: ночной, дневной и с защитой от погодных условий, то есть от мороза и жары».

На все три типа у них не было денег, и Света купила ночной, а Наташу пленил тот, который с защитой от жары и морозов – никогда она раньше не слышала, что такие кремы даже существуют в природе. Приехав в общагу, они долго восхищались гладкими белыми баночками с золотыми крышечками, нюхали их; щуря глаза, читали все, что было на них написано;

к ним пришли девочки из соседних комнат, восторгались, нюхали и завидовали, что им так повезло – купили такую вещь и почти без очереди.

Вечером зашел Федька. Наташа спросила его, не мороз ли на улице, и он ответил, что не совсем мороз, но довольно холодно, вроде бы снег собирается. Наташа намазала лицо новым кремом и приблизилась к Федьке:

– Понюхай, как обалденно пахнет!

Федька начал нюхать ее щеки и шею, делал глубокие шумные вдохи и выдохи, запрокидывал голову, мычал, изображая полный восторг, и косил глазами.

– О! А-а-а! Мммм! Малыш, может быть, мы никуда не пойдем и останемся тут?

– Ни в коем случае, мне надо испытать действие крема.

– Точно говоришь? Если что, я уйду на часок, – услужливо сказала Светка.

– Ни в коем случае, – повторила Наташа.

У Федьки гостила мама, и к нему было нельзя, но он все равно пришел, просто погулять полчаса. Уже начало темнеть. Они свернули с шумной и слякотной Стромынки в один из переулков – там было тихо и безлюдно, как в деревне. Тротуары были завалены снегом, не считая узкой тропинки, протоптанной немногими прохожими. Сначала они шли рядом, держась за руки, но тогда каждый из них только одной ногой шел по тропинке, а другой проваливался в снег, и они шли неровной походкой, хромя и толкая друг друга.

– Давай пойдем цугом. Я впереди, ты сзади, – предложила Наташа.

– Цугом, так цугом. – Они перестроились и пошли друг за другом. – Я обожаю ходить цугом. Я все люблю делать цугом.

– Как твоя мама? – спросила Наташа, чтобы он дальше не развивал тему.

– Мы с ней уже начали ругаться. Она такая реакционерка.

– В смысле?

– У нее на все бурная реакция.

– А что ты ей сейчас сказал – куда пошел?

– Сказал, что иду к Илье, а она раскричалась: мать приехала на неделю, послезавтра уезжать, а единственный сын уходит куда-то каждый вечер! Реакционерка, одним словом.

Зажглись фонари, и пошел снег. Все было как на картинке: спустились синие сумерки, в желтом свете вокруг фонарей кружились снежинки, а на дороге ровно лежал голубой снег с тонкими веточками птичьих следов. Снежинки падали Наташе на лицо, она смахивала их с очков, чтобы видеть дорогу, и думала, что, может быть, очки и не красят девушку, зато защищают глаза от дождя и снега. И тушь не течет.

– Федя, вопрос на засыпку: какого цвета снег?

– Знаю, знаю, ты уже спрашивала. Только не белый, сказал какой-то художник... А сегодня мама спросила: может, ты зазнобу завел? – хмыкнул Федька.

С деланой беспечностью Наташа поинтересовалась:

– И что ты ответил? «Мама, как ты могла такое подумать! Как тебе только такое в голову могло прийти! Разве ты не знаешь, что Оля для меня – все?»

Федька помолчал. Потом сказал тихо и серьезно:

– Нет, ничего подобного я ей не сказал. И не собирался говорить. Малыш, мне с тобой очень хорошо. Такое чувство, что я дома... или нет, еще лучше – как будто я у бабушки. Она забрала меня из садика, и мы идем к ней домой, заходим в подъезд, а там пахнет печеньем – бабушка уже напекла... Я должен видеть тебя каждый день. Тебе тоже со мной хорошо, да? Давай будем думать только о том, что сейчас нам очень хорошо вместе.

Наташа сглотнула комок в горле:

– Очень романтично, когда тебя сравнивают с бабушкой...

Федька остановил ее, взяв ее за плечи, и развернул к себе. Лицо у него было очень серьезное, каким бывало редко.

– Малыш... – начал он.

И вдруг начал смеяться. Сначала тихо, пытаясь сдерживаться, потом все громче и громче и вот он уже хохотал, согнувшись пополам.

– У тебя... зеркало... есть?

Наташа растерянно полезла в карман, нашарила зеркальце и в смятении уставилась на свое отражение. На нее глянула жуткая белая харя: мертвенно бледная маска с двумя посверкивающими круглыми оконцами, как у противогаза.

– Хорошо, что нам никто не встретился. В темном переулке увидеть такое! Пришлось бы этому несчастному скорую вызывать, – продолжал веселиться Петька.

– Это крем... который с защитой от погодных условий... – бормотала Наташа, поспешно смахивая снег с лица. – Это защитная пленка, поэтому снег на лице не тает...

– Он с защитой от бандитов, а не от погодных условий. Увидел бы тебя какой-нибудь урка и деру бы дал. Потом бы рассказывал всем, что с инопланетянином встретился, – не унимался Федька.

Наташа рассердилась и стукнула его кулачком по плечу. Он сделал вид, что удар был неимоверной силы, пошатнулся, замахал руками, потерял равновесие, упал в сугроб, несколько раз с трагическим лицом попытался встать и наконец, подергавшись в судорогах, замер. Наташе стало смешно.

– Вставай, дурак, – протянула она ему руку.

Федька схватил ее за рукав, притянул к себе в сугроб, Наташа взвизгнула, упала... Вышла потасовка.

Вернувшись в общагу, вся в снегу, Наташа рассказала Светке про крем, они посмеялись, и Наташа решила, что пользоваться им не будет. Только деньги выбросила на ветер. Но расстраиваться из-за денег не стала. Она вообще не способна расстраиваться в последнее время...

—

Надо же, точно такой же запах... Но пользоваться им она не будет. Ни к чему ей лишние напоминания о воспоминаниях. Она привинтила обратно белую крышечку и засунула вишневую баночку обратно в сумку. Потом уберёт ее куда-нибудь подальше.

За окном раздались голоса и хруст гравия под ногами. Она и не заметила, как время пролетело, и Лора с Майклом вернулись из школы, а она даже ничего им поесть не приготовила! Валяется в постели и предается воспоминаниям – ну и мать...

– Мааам! Мы дома.

– Ой, я ничего не приготовила на ужин... – запричитала Наташа.

– Да сейчас мы сами что-нибудь сварганим, – просипел Майкл.

– Ты хоть шарф надел утром, сын?

– Ну конечно!

– Он врёт. Майкл, зачем ты врешь? Говорить неправду нехорошо. Это тебя совершенно тебя не красит. Что о тебе люди подумают?

– Врать я учусь от тебя.

Беззлобно переругиваясь, Майкл и Лора приготовили ужин и крикнули Наташе, что кушать подано. На кухонном столе ее взору предстала сковородка с яичницей из трех яиц, большая тарелка с тостами, масло, три кружки чая: одна с надписью «Les Misérables» и портретом Козетты, другая – разрисованная нотами, флейтами и саксофонами, и третья – с полустертыми цветочками—сердечками и надписью «Love you, Mummy».

– Шикарно!

Они уселись за стол.

– Как делишки в школе?

– Репетицию сегодня отменили, мистер Гиббз заболел, поэтому я на первом автобусе приехал, вот с этой девицей, которая позорила меня всю дорогу.

Лора скорчила ему рожу и сказала Наташе:

– А на меня историк наорал.

– Так уж и наорал?

– Ну, он сказал, – Лора сдвинула брови и сказала басом: – Лора, вот ты хочешь историю брать на А-2, а мне кажется, это совсем не твой предмет! Тебе надо его дропнуть.

– Разве это «наорал»?

– Но мне было обидно! Я зубрю до посинения – про реформы Столыпина, оброки и барщину, говорю ему, как правильно эти слова произносить, потому что он говорит «оброк» и «башщина», – а он мне такое! Что нечего, мол, тебе историю учить, ты тупая!

– Может, он потому тебя и невзлюбил, что ты его поучаешь. Десять лет говорил так, а тут явилась Лора, и говорит ему, что надо произносить вот эдак! – высказал предположение Майкл.

– Не утрируй, дочь. Тупой он тебя не называл. В другое время я бы с ним поговорила, но нам сейчас нельзя заострять отношения со школой – такая уж у нас ситуация. Слава Богу, разрешили вам последние годы доучиться почти бесплатно, а то что бы делали? В государственную школу бы пошли? И оставили вас в частной школе именно потому, что вы оба умные и талантливые, никому из учителей и в голову бы не пришло назвать тебя, Лора, тупицей.

Все помолчали. Подошел Пафнутий и сел за стол на свободный стул. Ему отрезали кусочек яичницы и положили на край стола, он понюхал, но есть не стал.

– Он мяса хочет. У нас есть мясо? – спросил Майкл.

– Посмотри в холодильнике, там должен быть кусок вчерашней говядины, в фольгу завернут, – ответила Наташа.

Почему-то вспомнилось, что у Диккенса усталые путники всегда стучались посреди ночи в харчевни, им открывала заспанная хозяйка, они требовали еды, и она приносила им холодную говядину и кружку эля.

Майкл положил кусочек говядины перед Пафнутием и тот прихватил его зубами, положил на стул рядом с собой и начал жевать.

– Ну вот, теперь вся семья за столом, и все едят, – умиленно сказала Лора. – А давайте сейчас, как поедим, поиграем в какую-нибудь игру, как раньше, с папой?

– А уроки учить не надо?

– Да всего часик поиграем...

– Я могу только часик, ко мне Джэйк в семь придет.

– Только не в «Монополию», – сказала Наташа. – Не люблю я все эти дела с финансами и бизнесом. А ты, Майк, позвони Джэйку и скажи, чтоб не приходил. Ты же болеешь, тебе надо напиться чаю и пораньше лечь спать.

– Ладно. «Змеи и лестницы»? – предложил Майкл.

– Ммм... Она может затянуться до полуночи. Только доберешься до верха – а тут змея, и опять ты в самом низу, и так без конца и края.

– Мама, не вредничай. Давайте тогда в «Обезьяню пальму» – легко и просто!

– Чего вспомнила! Мы же в «Пальму» лет десять не играли. Этой коробки, наверно, уже и не существует. Мама же любит все выбрасывать.

Но Лора отлично помнила, где именно хранилась коробка с игрой, и принесла ее из кладовки, сияя и торжествуя.

– Так давно хотела в нее поиграть! – Лора высыпала из потрепанной коробки пластмассовые детальки, быстро составила из них пальму и сложила в кучку коричневые фигурки обезьянок.

– Одной обезьянки не хватает, – объявила она.

– Какая разница, давайте уж начинать, – сказал Майкл, тыча пальцем в мобильник.

Пока они играли, в разговоре, то и дело прерываемом воплями Лоры, когда пальма обрушивалась от вешаемых на нее обезьянок, выяснили, что Джейк должен был прийти, чтобы пересмотреть чертеж мотоцикла, который они мастерили на заднем дворе уже второй месяц; что у Наташи завтра выходной в «богадельне», но ей надо срочно закончить перевод к послезавтрашнему утру; что Лоре завтра после школы надо встретиться с Соуфи, чтобы составить план демонстрации одежды в школе – для благотворительных целей.

– Мамочка-душечка, ты дашь мне лифт к Соуфи?

– Не «дашь лифт», а «подвезешь». И не «дропнуть, а «бросить». Что ты делаешь с русским языком! Конечно, подвезу. А лифт я тебе никак не могу дать, финансы не позволяют.

Майкл засмеялся и закашлялся.

– Майк, давай я тебе ножную ванну с горчицей сделаю?

– Не надо мне никаких ножных ванн – ни с горчицей, ни с перцем, ни с солью! И картошку нюхать тоже не буду, сразу предупреждаю. Я прекрасно себя чувствую, подумаешь – кашель.

– Сейчас заварю тебе ромашковый чай, прополощешь горло – и спать. В школу завтра не пойдешь.

– Горло прополощу, так и быть. А в школу пойду, экзамены на носу. Со мной все в порядке, не кудахтай, мамуля.

Он совсем не такой, как отец, подумала Наташа. Дэйвид паниковал из-за любой мелочи. Даже когда его подташнивало, его охватывал ужас: он боялся, что сейчас его начнет рвать и он задохнется. Он вскакивал посреди ночи, будил ее, и она сидела возле него, держа его за руку и глядя по голове, как маленького мальчика.

Наташе казалось это очень странным, потому что ни мама, ни бабушка, ни тетя не отличались крепким здоровьем, всю жизнь мучились какими-нибудь недугами, и ни одна из них никогда и ни на что не жаловалась. Они шутили, острили, смеялись над названиями лекарств и спорили, у кого из них больше болезней. Мужчин в их доме не было, и Наташа не знала, что большинство из них тяжело страдают даже от легкой простуды, потому что у них более высокий болевой порог, чем у женщин. Наверное, поэтому Дэйвида так быстро скрутило...

– Ура! Я выиграла! – закричала Лора.

Наташа, оторвавшись от тяжелых воспоминаний, рассеянно повторила: «Ура...»; Майкл, продолжая вести с кем-то переписку по телефону, бормотнул: «Ну, и слава Богу», и Лора начала складывать кусочки обратно в коробку, ворча, что они оба – просто душа компании и настоящие подниматели настроения.

– Завтра будем играть в «Змеи и лестницы», что бы там кто-то ни говорил насчет того, что это долго и нудно. Эта игра как раз для вас, зануд.

Зазвонил домашний телефон.

– Это не мне.

– И не мне.

– И не мне, – Наташа, поколебавшись немного, все-таки подняла трубку. Звонила Дениз:

– Ты почему не отвечаешь? Я звоню, звоню целый день! Дорогая, милая, любимая, выручай! Выйди послезавтра в ночную смену – пожалуйста, пожалуйста, на коленях прошу! Я уже всех обзвонила, никто не может!

Наташа согласилась, и Дениз рассыпалась в благодарностях, напомнив, чтобы она заполнила розовый бланк, предназначенный для оплаты в полтора раза больше.

– А отказаться нельзя было? – укоризненно посмотрели на нее дети. – Мы же работаем по воскресеньям, ведь нам же хватает.

– Хватает только на то, чтобы сводить концы с концами, – грустно сказала Наташа. – Но вы молодцы и умницы, и что бы я без вас делала... Ничего, лишняя сотня не помешает.

Перевод я к тому времени уже закончу, и мне будет нечего делать! А в ночную смену можно и поспать, если повезет.

– Вот именно, если повезет... Знаем мы твои ночные смены...

ГЛАВА 3

Колин проснулся поздно. Сквозь выцветшие и обвисшие, как тряпка, занавески пробивалось солнце. Ночью он долго не мог заснуть, ворочался, чертыхался, несколько раз на шаривал на полу стоящую рядом бутылку и делал пару глотков, чтобы успокоиться, но ничего не помогало. Сон сморил его только часа в четыре утра, когда начало светать и за окном зачирикали птички.

Колин тяжело поднялся с жалобно заскрипевшей под ним раздолбанной кровати, подошел к окну и отодвинул блекло-сиреневые с желтоватыми пятнами (по краям все еще фиолетовые в белый горошек) занавески с оторвавшимися в некоторых местах оборками и свисающими с них нитками.

Все, как вчера: заросший бурьяном и заваленный гниющими досками задний дворик. Ничего, он еще поживет тут. Пусть шлют ему письма, сколько душе угодно – хозяин-то за границей, где-то то ли в Антибе, то ли на Мальте, и ему, похоже, глубоко плевать на эту квартирешку, раз он ее так запустил. Пусть продолжает слать письма своему адвокату, а тот пусть продолжает писать ему, Колину. Когда еще дело дойдет до выселения как такового! А когда дойдет, его уже здесь не будет. Он сам будет в Антибе или на Гавайях, купит виллу и будет сидеть у собственного бассейна в шезлонге.

Черт, все шло так хорошо! И вдруг неувязочка... Он задернул занавески – не любил он ни отодвинутых штор, ни открытых окон. Может, кому-то и воняет в комнате, а вот ему не воняет. Раз ему хорошо, то все в порядке, а остальные пусть заткнутся, ублюдки хреновы.

Колин плюхнулся в кресло на тонких ножках, тоже заскрипевшее под его грузным телом. Надо бы эти ножки вообще оторвать к чертям – когда-нибудь они в конце концов подломятся, и он сломает себе хребет. Где только хозяин выкопал такое кресло? Ему лет пятьдесят, не меньше. На Колине были только трусы, и обивка кресла с геометрическим рисунком, вытертая в некоторых местах, холодила ему ляжки и спину, поэтому он, стащив с кровати подушки, подложил одну из них под спину, а другую – под задницу.

Так, надо все обдумать. Надо все спокойно обдумать и продумать. В конце концов, это у него очень хорошо получается – думать. У него в голове всегда рождаются гениальные идеи и замыслы. Он всегда продумывает планы их осуществления до мельчайших подробностей. Ну, не всегда получается их воплотить, – что верно, то верно; но это не его вина. Это вина тех идиотов, которых кругом пруд пруди и которые мешают ему жить. А он ведь умный, ууумный! И что самое главное – и в этом заключается его особый талант – при осуществлении своих проектов он никогда не переступает закон. Наоборот, он заставляет закон работать на себя. Он стремится к лучшей жизни, а сидение в тюрьме в его представление о хорошей жизни не вписывается.

Кто знает, если бы он родился в нормальной, образованной семье с любящими предками и если бы у него была возможность ходить в приличную школу и каждый день учить уроки, а не слоняться по улицам до позднего вечера, лишь бы только не идти домой, – кто знает, может быть, тогда бы из него получился какой-нибудь профессор или академик, а? И сидел бы он сейчас не в этой паршивой комнатенке с обвисшими занавесками и не на этом шатком креслице времен шестидесятых годов прошлого века, а у себя в кабинете в каком-нибудь университете, и к нему бы пришла сейчас хорошенькая студенточка за консультацией, и взирала бы на него с робостью, обожанием и благоговением, а он смотрел бы на неё поверх очков – холодно, строго и равнодушно.

Колин надел когда-то белый, а теперь серо-желтый, махровый халат, который он унес с собой из номера «Плазы», допил остатки уже теплого пива из бутылки, из которой прихлебывал ночью, и сел обратно в кресло.

Надо что-то делать, но появляться там, куда пристроили старого придурка, нежелательно, – слишком много народу, снуют туда-сюда, наедине с ним наверняка побыть не удастся, а если и получится, то обязательно какая-нибудь сволочь с улыбочкой на морде постучит в самый неподходящий момент в дверь: «Чаю не хотите ли? У вас все в порядке? Дайте нам знать, если вам что-нибудь нужно».

Все они там очень болтливые – принесут поднос с чаем и рассказывают тебе о своей личной жизни, сколько у них детей, собак и кошек, и от тебя ждут того же. Любят спрашивать, где работаешь и кем, и тут кроется главная опасность: даже если бы ты сказал, что вчера приехал из Тимбакту, где провел всю свою жизнь, все равно нашелся бы кто-то, кто бы тут же зачирикал: «А у меня соседка туда ездила, у нее там тетя живет, я вас познакомлю, вам будет о чем поговорить». Или: «Я там был, очень любил тот паб на углу, вы наверняка хозяина знаете». Мир тесен, Колин слишком хорошо это знал. Поэтому там лучше не светиться, старый хрен пробудет в том заведении только неделю, а потом Колин опять примется за дело. Только бы старый козел копыта не откинул за эти семь дней.

Сейчас у него черная полоса, подумал Колин, натягивая полы халата на колени, но были в его жизни и белые, и это халат тому доказательство. Скоро опять у него будут деньги. Будет и особняк, и машина с откидным верхом. Надо только проявить терпение и смекалку, а этих качеств у него не отнять. Как безошибочно он угадал в Дженис обеспеченную, одинокую, бездетную вдову, подтачиваемую неизлечимой болезнью... Сколько терпения он проявил, убеждая ее, что он мечтал встретить такую женщину, как она, всю свою жизнь, и что даже ее возраст ему не помеха! Сначала она в недоумении таращилась на него, потом, смеясь, махала руками, но в конце концов растаяла, растрогалась.

До чего же бабы глупые. Скажи любой тетке, что она красивая, умная, что он хотел бы заботиться о ней и провести с ней всю жизнь, чтобы у них были дети – и все, она попалась на удочку, как идиотка. С ней можно делать все, что угодно. Ну, на обалденных стерв это не распространяется, они сами кого угодно заставят плясать под свою дудку, но и он не дурак, понимает, что от таких надо держаться подальше.

Когда он увидел Дженис, он решил просто пожить у нее месяц-другой – поспать на чистых простынях и вкусно поесть, а потом, придумав что-нибудь вроде «мама серьезно заболела, мне надо уехать на недельку, до скорого свидания, любимая, мне очень трудно оторваться от тебя, но так надо», – слить и больше никогда не возвращаться. Он так часто делал, особенно когда ему нужна была передышка, и всегда это работало. Надо просто делать правильную ставку. Конечно, он не красавец, довольно полноват, но зато молод, а пожилые бабы рады и такому.

Позаливавшись соловьем («Я не могу прожить без тебя и дня, ты нужна мне как воздух, как солнце, я хочу каждое утро просыпаться в твоих объятиях»), Колин поселился у Дженис и быстро понял, что ему может перепасть нечто большее – нечто гораздо большее, чем то, на что он рассчитывал. За тот месяц, который он у нее прожил, она похудела, кожа стала бледной, под глазами появились круги, она жаловалась на боли в низу живота, а потом начала покашливать.

План созрел в голове у Колина очень быстро. Он погуглил симптомы и срочно сделал ей предложение. Она растрогалась, расплакалась и согласилась – а как же иначе?

Весь период до регистрации брака он всеми способами отговаривал ее от визита к врачу, говорил ей, что она просто переутомилась, устала, ей надо полежать, а он за ней будет ухаживать и вылечит ее заботой, теплом, любовью и лаской. Через две недели они расписались.

Он заставлял лежать ее в постели, приносил ей еду и цветы, она говорила, что не верит своему счастью и часто его спрашивала – риторически, конечно, – что бы она без него делала. Он убрал телефон под предлогом, что она не должна ни о чем беспокоиться, – не дай Бог, позвонит врачу или одной из своих подруг, и та навякает ей что-нибудь совершенно ему

не нужное. Он говорил ей, что теперь ей не нужны подруги, теперь у нее есть он – ее защита и опора. Она искренне, как молоденькая дурочка, радовалась, что смогла внушить молодому парню такую любовь.

Когда ему мягко и ненавязчиво удалось убедить ее, – да, впрочем, и убеждать-то ее не понадобилось, она рада была отдать ему все, что у нее было, – скорее, намекнуть ей, что хорошо бы ей написать завещание в его пользу и оформить страховку на свою жизнь, – тогда он стал внушать ей, что она выглядит гораздо лучше и что ей, очевидно, отдых пошел на пользу.

Он выждал еще недели две и сказал ей нежно, что, хоть она и выздоровела, он все-таки очень беспокоится о ней и что, как бы то ни было, к врачу сходить все же надо. Опять она расстрогалась, и они пошли в поликлинику. Колин в основном говорил сам; доктор спросил, когда начались симптомы, Дженис начала было говорить, что несколько месяцев назад, но Колин быстро ее поправил: несколько месяцев назад у нее был грипп на почве переутомления, а вот именно эти симптомы начались всего несколько дней назад. Дженис согласилась, с нежностью глядя на него: «Да, милый, так оно и было, я подзабыла».

Потом были хождения по специалистам, сдача анализов, и еще один, решающий визит к врачу, во время которого прогугленный Колином диагноз подтвердился. По прогнозу врача, жить ей оставалось месяцев шесть-семь.

Но она продержалась только две недели. Наверно, не перенесла шока от внезапной перемены в Колине: из нежного и заботливого влюбленного он в одночасье превратился в бесчувственного чурбана. Сама виновата, дура безмозглая. Неужели она и впрямь думала, что он в нее влюбился, в старую вешалку? В тот один-единственный раз, когда у них был секс, его чуть не вырвало от отвращения к ее дряблой коже.

Когда они пришли домой, он, из последних сил играя роль, уложил ее в постель, поставил перед ней поднос с едой, а потом принес в спальню три буханки белого хлеба в целлофановых пакетах, десять бутылок воды и тазик.

– Зачем это, Колин? – удивилась она.

Он не ответил и вышел, повернув ключ в замке, который он врезал в дверь спальни заблаговременно, сказав ей, что это в целях безопасности. В этих же целях он тогда же поставил замки и на окнах, запер их и держал ключи при себе.

Через некоторое время она начала его звать, потом кричать и колотить в дверь, стены и окна. Иногда он подходил к двери и говорил ей внятно и медленно: «Заткнись, тварь». Или: «Когда же ты там сдохнешь, наконец». Когда ему совсем невольно было слушать ее вопли и рыдания, он на всю мощь включал телевизор. Какое счастье, что дом ее был на отшибе и вокруг не было никаких соседей. Но он ведь не дурак, чтобы выбирать себе в жены бабу, живущую в доме террасного типа, с соседями справа, слева, спереди и сзади.

Дня через три она обессилела и затихла. Колин, некоторое время постояв и послушав у двери, отпер ее и осторожно вошел, в глубине души опасаясь, что она притаилась за дверцей шкафа, держа на вытянутых вверх руках табуретку, и сейчас обрушит ее ему на голову.

Но она лежала, скрючившись, на полу. Колин было обрадовался – наконец-то! – но, пощупав пульс, обнаружил, что она еще жива. В комнате нестерпимо воняло, на полу было несколько полувисохших лужиц и нечто, прикрытое журналом «Хеллоу». Приподняв журнал носком ботинка, Колин обнаружил под ним засохшую коричневую кучку. Тазик был пуст. Он злобно пнул Дженис, она открыла глаза и простонала. Он рывком поднял ее с пола и швырнул на кровать. Она что-то прохрипела, он сказал: «Заткнись», нашел стопку газет, с отвращением подтер ими лужицы, подобрал журналом кучку и бросил все в тазик. Вытер руки о бархатные кремовые шторы, сел на белое креслице во французском стиле и сказал:

– Развела тут свинство, тварь. Чего ты так орала-то эти три дня? Все равно тебе уже никто не поможет, сама слышала, что врач сказал. Еще немного за тобой понаблюдаю, а потом позвоню твоим дурам, скажу, что тебе совсем плохо, а у меня от горя руки опустились, ухажи-

вать за тобой не могу. Пусть они за тобой дерьмо убирают. Скажу им, что у тебя разум помутился, бред развился, меня возненавидела, подозреваешь в чем-то. Так что если начнешь им что-то лепетать – если сможешь, конечно, – то тебе никто не поверит. А пока лакай, – Колин приподнял ее на кровати и влил ей в рот воды из бутылки.

Из десяти оставленных им бутылок две были пустыми. Один пакет с хлебом был надорван и двух-трех ломтей не хватало. Значит, она все-таки ела и пила. Теперь, может, быть, придется пускать посторонних в дом – всяких подруг, знакомых, сиделок, врачей, а у них глаз наметанный, враз заметят и «обезвоживание организма», и «халатное отношение к больному». Не хватало еще, чтобы подключили социальные службы, поэтому ему сейчас надо держать ухо востро.

На следующий день он вызвал врача, тот ее осмотрел, сказал, что теперь все, что можно сделать, – это обеспечить ей уход и комфорт, насколько это возможно при ее состоянии. Объяснил, что если Дженис скончается в течение четырнадцати дней после его визита, то смерть будет входить в категорию ожидаемых и вызывать врача будет уже не надо, достаточно просто позвонить им и поставить их в известность, придет сотрудник и засвидетельствует смерть для последующей выдачи свидетельства. Все, что Колину нужно будет сделать, – это позвонить в ритуальную службу, оттуда приедут и заберут тело.

Видно было, что доктору неловко все это объяснять раздавленному горем молодому парню, едва сдерживающему слезы. Извиняющимся тоном он сказал, что понимает, как Колину трудно, но это – часть его работы, эти детали необходимо разъяснить, особенно если человек растерян и не знает, что в таких ситуациях делать.

Колин слушал, смахивал скупую мужскую слезу и думал про себя, что все это он, черт подери, прекрасно знает, он все разузнал и навел справки, иначе не затеял бы все это дело.

Дальше все пошло как по маслу. Два раза в день приходили две подруги Дженис, ухаживали за ней и даже за ним, жалели его, бедного. Дженис была без сознания до самого конца и пожаловаться на него никому не смогла.

После того, как Колин вступил в права наследства и получил страховку, объявились какие-то племяннички и пробовали оспаривать завещание, но быстро заткнулись, потому что прицепиться им было абсолютно не к чему. Колин оказался владельцем движимого и недвижимого имущества на сумму почти в полмиллиона. Он сдал дом в аренду и отправился путешествовать.

О, какая была тогда жизнь! Теплое море, песчаные пляжи, солнце, модные курорты, дорогие отели, обеды и ужины в фешенебельных ресторанах, казино, красивые женщины... Загоревший, сбросивший лишние килограммы, с небольшой бородкой и в темных очках, он был очень похож на праздного миллионера, и в бабах у него недостатка не было.

Деньги закончились как-то неожиданно. В надежде поправить ситуацию, он стал много играть, но ему не везло и он оказался в невероятных долгах. Началась охота за ним, и, чтобы спасти свою шкуру, ему пришлось срочно улепетывать домой, заняв денег на авиабилет у одной из своих подружек. Что-то он ей там наплел насчет того, что у него истек срок банковской карты и надо срочно лететь в Сити по делам и что через неделю он будет ждать ее в Лондоне и, как только она прилетит, он познакомит ее с мамой и они поженятся.

Долго скрываться от своих преследователей ему не удалось, его вычислили довольно быстро и однажды вечером в тихом переулке избили так, что он потом две недели отлеживался в больнице. Убить они его не убили, но напугать напугали. Он продал дом и расплатился с долгами. Его оставили в покое.

После пары месяцев бомжевания, с Божьей помощью – в буквальном смысле, потому что он все это время ошивался в церкви, как смиренный верующий, – ему удалось выхлопотать пособие по инвалидности. Тут на руку сыграли побои, потому что, хотя никаких серьезных физических последствий они после себя не оставили и медицинское обследование это ясно

показало, он давил на то, что этот инцидент травмировал его психику. С наступлением темноты он боится ходить по улицам, у него начинаются приступы паники, удушье, холодный пот и развивается состояние шока. Все симптомы психологической травмы он, конечно, прогуглил в интренет-кафе, и хорошо их описал своими словами, избегая медицинских терминов, поэтому никаких сомнений у членов медкомиссии не вызвал.

Выхлопотал он и небольшое пособие по оплате жилья и нашел эту комнатенку, пусть даже такую вшивую. Платил он за нее до недавнего времени исправно. Все в конце концов обошлось: он жив, здоров, у него есть крыша над головой и достаточно денег, чтобы не умереть с голоду и побаловаться раз в неделю пивом и пиццей с доставкой на дом. Он даже опять растолстел. Надо еще поздравить себя и с таким исходом, ведь получить пособие сейчас трудно, не то что в прежние времена: поднял руку и тебе дали все, что попросил. А ведь все потому, что он такой смекалистый и умный.

Ну, потерял он все – ну и что? Ему просто не повезло, вот в чем штука. Зато красиво, с шиком пожил целый год с лишним. Будет, что вспомнить на старости лет. Ведь кто из людей его круга мог бы похвастаться таким стилем жизни, какой был у него совсем недавно? Да они о такой жизни и мечтать не смели. А он не только посмел мечтать – он воплотил свою мечту в жизнь! Это не каждому дано.

И пусть у него сейчас черная полоса в жизни, – он из нее скоро вырвется, на то он и гений. У него была просто короткая передышка, чтобы набраться сил перед осуществлением новой талантливой задумки, после которой он вернется к жизни в роскоши, к жизни тех людей, которым он завидовал, которым все приносят на блюде: любящие папы и мамы отдают их в частные школы для привилегированных, покупают им все, что заблагорассудится, возят два раза в год за границу на каникулы, платят за уроки по фортепьянам-балетам-фехтованиям и еще хрен знает за что. Потом они поступают в престижный университет, получают ученые степени, и папы с мамами устраивают их на хорошие, денежные должности, потому что на хороших, денежных должностях работают их друзья, братья, сестры и кузены. И они живут в особняках с пятью спальнями (как минимум), у них есть квартира в Лондоне и вилла во Франции, по воскресеньям они играют в гольф или поло и воспитывают своих детей так же, как воспитывали их самих.

Как Колин их всех ненавидел! Но не даром гласит народная мудрость: если не можешь их победить, вступай в их ряды. И он вступит, только по-своему. План у него уже есть. Только на этот раз он будет осторожнее и экономнее. Он не будет так бездумно сорить деньгами. И яхту он все-таки купит!

ГЛАВА 4

На пересменке Дениз сказала, что Мэри сегодня немножко «смешная». То есть, Мэри вела себя не так, как всегда: обычно она с блаженным видом сидела весь день в кресле, радостно улыбалась и одобрительно кивала головой, кто бы что бы ни сказал, а сегодня – раздражительная, весь день бродит по коридорам, заходит во все комнаты, несколько раз поднималась наверх и отказывается от еды.

– Присмотри за ней, любовь моя, – сказала Дениз Наташе. – Если она к отбою не успокоится, дай ей диазепам, он ей прописан, чтоб принимала в случае необходимости. Только не забудь сделать все как надо: чтоб свидетель был, все записи, какие положено, и все такое – ну, ты знаешь процедуру, куколка моя, не мне тебя учить.

– А что именно ее расстроило, не знаешь? – поинтересовалась Наташа.

– Конкретно не знаю, но ее сегодня навещали родственники, а после их визитов, сама понимаешь, резиденты почему-то часто сбиваются с толку.

– Потому что они помнят, что их выкидывать из семья, – объяснила Божена. – В моей стране мы никогда не выкидывать маму, когда она имеет много лет.

Кэрол закатила глаза. Когда вечерняя смена ушла домой, она улучила минутку и прошипела Наташе:

– Веселенькая у нас будет сегодня смена. Мэри будет всю ночь выкидывать фортеля, а тут еще эта с нами... Вот увидишь, часов в двенадцать она ляжет на диван и будет дрыхнуть до самого утра, а мы уработаемся, как загнанные лошади!

– Посмотрим, – сдержанно сказала Наташа.

Они разнесли резидентам овалтин. Одни сидели в гостиной и дремали в креслах перед телевизором; другие, необщительные, – в своих комнатах; третьи уже спали, помытые и переодетые в пижамы вечерним персоналом. Наташе, Кэрол и Божене понадобилось часа четыре, чтобы уложить спать остальных четырнадцать резидентов. Это всегда было настоящей баталией. Спать идти никто не хотел.

– Вы в своем уме, почему это я должна идти спать утром? – спрашивали сбившиеся с ритма «день-ночь».

– Кто вы такие, чтоб командовать тут? Когда хочу, тогда и иду спать! – возмущались строптивые.

– Мне сейчас должны принести моего ребенка, чтоб я его покормила. Как покормлю, так и пойду спать, – вступали в переговоры заиклившись на своих родительских обязанностях.

– Мне нужно срочно позвонить, но я не могу найти телефон. Он всегда был на кухне, почему вы его убрали? Почему вы все переставляете без моего разрешения? – сердились любившие порядок в своем доме.

– За мной сейчас заедет папа и мы поедем домой. С какой стати я буду тут спать? – говорили застрявшие в своей молодости.

На этот раз они управились быстро. Божена всегда работала с молниеносной скоростью, и все в ее руках горело. Она не прислушивалась к возражениям резидентов (скорее, просто их не понимала), брала их под белые ручки и решительно разводила по спальням. По какой-то странной причине старики подчинялись ее властным командам: «Пора спать! Пора спать!». Ворчали, но не сопротивлялись.

– Как ее только приняли на работу? – опять шептала Кэрол. – Она же нарушает все правила! И такая грубая и бесцеремонная!

– Старики ее любят. Она их не обижает. Все быстро схватывает, – возразила Наташа. – И потом, все равно ведь надо, чтобы они спали в своих кроватях, а не сидели в креслах всю ночь, это им вредно.

– Работенка у нас! Силой потащишь их спать – получишь по шее за грубое обращение. Оставишь сидеть в креслах – все равно получишь по шее, на этот раз за халатное отношение! Напридумывали правил...

Во время короткого перерыва, после которого им по графику полагалось приниматься за хозяйственные дела – вычистить газовую плиту с духовкой, простирнуть белье и пропылесосить полы, – когда Кэрол вышла на задний двор покурить, Божена сказала Наташе:

– Она тебе про меня бла-бла-бла, бла-бла-бла? Ненавижу ее – в глаза «сю—сю—сю», а за спиной «гав-гав»! Все англичане такие!

– Да не все, Божена... Не обращай на Кэрол внимания, все знают, что она любит склоки, интриги... Не связывайся – себе дороже будет. Тебя тут все любят – и Трэйси, и Су, и Дениз. Точно говорю.

– Может, и любят, но все равно смеются, я говорю смешно, не знаю, не понимаю язык, – немного успокоилась Божена. – Учи меня, а? Я буду приносить блокнот, спрашивать и писать.

Вернулась Кэрол, окинула их быстрым ревнивым взглядом – не про нее ли говорили тут, пока ее не было? – и они снова принялись за работу.

Наташа взяла на себя кухню. Плита была загажена, как всегда, до предела. Господи, нарочно, что ли, Данкан заливает ее всем, чем можно?

—

Плита была загажена, как всегда, до предела. Господи, нарочно, что ли, они заливают ее всем, чем можно?

В тот день была их очередь дежурить по кухне. Раньше полуночи начинать не имело смысла, потому что жизнь в общаге достигала своего апогея часам к одиннадцати-двенадцати ночи, и на кухне толклось слишком много народу. С утра студенты первой смены были в институте, а второй – спали. После обеда первые возвращались в общагу и ложились спать, а вторые уходили в институт. Вечером и первые, и вторые учили уроки – институт был языковой, и заниматься надо было каждый день. Только часам к десяти вечера общежитие оживало: хлопали двери, гремела музыка, жарилась-парились еда на кухне, выстраивались очереди в душ, менялось постельное белье у кастаньянши в подвале, стоял гам от громких разговоров и смеха, висел дым коромыслом. Часам к двум-трем ночи постепенно опять воцарялась тишина.

Ровно в полночь Светка сходилa на кухню на разведку и сказала, что все разошлись и можно начинать. С резиновыми перчатками, тряпками, ведром и стиральным порошком, Наташа и Света уныло побрели на кухню. В их обязанности входило: вымыть три плиты с недельными залежами накипи в различных степенях консистенции; вымыть три мойки с разлагающимися в них картфельными очистками и еще чем-то мерзким, уже непонятно чем; вынести тяжелый и вонючий бак с переваливающимся за край мусором и вымыть пол.

Стараясь не смотреть и не дышать, Наташа засыпала поверхность плиты порошком и начала брезгливо тереть ее мокрой тряпкой. Света, отвернув лицо, выгребала отвратительную гадость из моек. На кухню заскочил было лохматый парень – кажется, его звали Димон – но, увидев, что идет уборка, тут же выскочил. Мимо кухни по коридору прошел Федька, бросив на них мимолетный взгляд. Тогда Наташа с ним знакома еще не была, но знала его. Его знали все.

– Вот гады, – сказала Света. – Неужели нельзя сразу убрать за собой очистки?

– Проваландаемся тут часа три, – пробормотала Наташа сквозь зубы.

– Это ж надо развести такое свинство! Надо что-то с этим делать. Принимать меры.

– Поднимать вопрос на комсомольском собрании.

– И ставить его ребром.

Обе невесело засмеялись.

– Бак вынесет Шурик, – решила Светка. – Правда, он об этом еще не знает.

– Ну, тебе стоит только моргнуть, он все для тебя сделает. Перед километром голых ног никто устоять не сможет.

– Вряд ли ему что-то обломится. И у него вроде бы девушка есть?

– Он же сказал, что они расстались.

– Я не помню, что он говорил, не обращаю внимания как-то.

– Да нет, Свет, он хороший и смешной. От тебя без ума. Во всяком случае, будь с ним поласковой, хотя бы ради мусора. Я, конечно, тоже постараюсь, но главная ставка на тебя.

Шурик оказался легок на помине:

– А, вот вы где! А я думаю, куда делись, в душ, что ли, ушли?

– Шууурик, Шуууриик! – обрадовалась Наташа. – Какое счастье, что ты пришел! Мы так рады тебя видеть! Света так переживала, что не видела тебя уже целых два часа!

– Я соскучилась, дорогой... – томно глядя на него, сказала Света.

Мимо по коридору опять прошел Федька, но на этот раз он через секунду вернулся и зашел на кухню.

– Боже, какая красота! Какой блеск! Вам, девочки, надо вынести благодарность от студкома за такую работу!

– Федор, тебе, как председателю студкома, я вот что имею сообщить... – взяла быка за рога Светка. – Надо как-то призвать народ, чтобы не свинячили так на кухне.

– Нет, ты послушай, – обратился к Шурику Федька, приложив руки к груди. – Разве это не музыка? «Имею тебе сообщить»! Какая структура фразы! Это же, нам, лингвистам, отрада для сердца – слышать такое!

– Просто уши поют, – согласился Шурик.

Наташа в это время чистила металлический ящик под духовкой. От присутствия Федьки она немного оробела. Сейчас он, конечно, начнет приставать к Светке, потому что у нее такие ноги и такой коротенький халатик, подумала она, стоя на коленках перед ящиком.

Но Федька опустил на корточки рядом с ней и сказал:

– А разве эта девочка учится у нас? Я думал, что она на МИУ.

У Наташи в груди полыхнул взрыв, облако от него поднялось до горла, и она задохнулась. С трудом, запинаясь, глупо выговорила, тоже говоря про себя в третьем лице, как и он:

– Она учится у нас, да. Не в МИУ.

– А как девочку зовут?

– Сейчас он ей «козу» будет делать, – засмеялась Светка.

Кухню в конце концов они вычистили, и Шурик с Федькой вместе вынесли мусорный бак. Помывшись в душе и уже переодевшись в ночнушку, Наташа вспомнила, что оставила на кухне резиновые перчатки, и, накинув халат, побежала туда, ни на что особо не надеясь: наверняка их уже свистнули. Но они все еще были там, где она их оставила, – на подоконнике. Она облегченно вздохнула, схватила их и выскочила из кухни, но в коридоре столкнулась с Федькой. Видно, он задался целью сегодня всю ночь расхаживать по коридору.

Он взял ее за талию и повел обратно на кухню.

– Ты только посмотри, как тут красиво. Окинь взглядом это чудо! Это же надо навести такую чистоту! Это просто уму непостижимо, это выше человеческих сил!

– А что тут было, ты бы видел, – слабым голосом ответила Наташа.

– Так вот и я об этом же, – Федька пристально смотрел на нее, все еще держа за талию. Глаза у него были серые, холодноватые, красивые, оценивающие, раздевающие. В них был интерес – к ней. Она почувствовала, что тонет в теплой, ласкающей кожу воде, что захлебывается... И опять задохнулась.

– Я слышал, вы хотели обсудить этот вопрос. Зайди завтра ко мне часов в девять вечера, и мы все обговорим. Действительно, надо что-то решать. Знаешь номер моей комнаты?

Наташа кивнула. Конечно, она знала номер его комнаты.

– Придешь? – не отводя от неё глаз и взяв ее за мизинец, спросил он.

Наташа опять кивнула и побежала к себе. Оглянувшись у двери, она увидела, что он стоит посреди коридора и смотрит ей вслед. Она вбежала в комнату и плюхнулась на кровать.

– Что случилось? Перчатки сперли? – высунула голову из-под одеяла Светка.

– Да нет, – ответила Наташа, вытаскивая их из карманов халата. – Федька... пригласил меня завтра... в гости.

– Ого! Пойдешь?

– Не знаю. Он ведь женат.

– Ну и что? Жена-то уехала. Один вечерок тебя ни к чему не обяжет. Может, вы просто посидите и чаю попьете. Сходи, он ведь тебе нравится. – Светка зевнула, снова накрылась одеялом и засопела.

От волнения, радости и удивления Наташа долго не могла заснуть. Тогда она, счастливая и гордая оттого, что он обратил на нее внимание, не знала, что, не пойдя она на следующий день к нему, жизнь ее наверняка сложилась бы совсем иначе. У нее не было бы рыжей осени, раз-метавшей яркий, полыхающий огонь волос по подушкам; не было бы белой зимы, укрывавшей их пуховой периной, под которой они безмятежно спали, переплетя руки и ноги; не было бы нежно-зеленой весны, грустно смотрящей на них в ожидании скорой разлуки; не было бы душ-ного лета, у которого были красные глаза и опухшее от слез лицо, оживлявшееся только при редких, душераздирающих встречах; не было бы еще одной осени, еще одной зимы и еще одной весны – бесцветных, блеклых, озаряемых раз в неделю письмами; не было бы еще одного лета, медленно ее истязającego... Не было бы последующих долгих, мертвых, серых лет, выстроив-шихся в ряд, как очередь из хилых, бледных, тощих человечков с невидящими глазами...

—

– Эй, ты чего застыла над плитой? Она уже вся блесит. С тобой все в порядке? Там Мэри разошлась. Может, пора дать ей таблетку? – запыхавшаяся Кэрол убирала пылесос в кладовку.

Наташа убрала «Доместос» в шкафчик под мойкой, повесила тряпку на крючок между стеной и духовкой и сняла перчатки.

– Как именно она разошлась?

Кэрол начала возбужденно рассказывать, пересыпая речь матом:

– Заходит во все комнаты, всех разбудила. Бэрил уже оделась и начала спускаться вниз, я ее только что обратно уложила. Кошмар!

– А сейчас она где?

– У Фрэнсис в комнате. Выволокла ее из постели, та плачет, эта ее успокаивает. Думает, что она маленькая девочка, отбилась от семьи.

– Ну, давай, дадим ей таблетку.

Они подошли к передвижному шкафу с медикаментами, и пока Наташа отпирала его и доставала учетный журнал и маленький, запертый на ключ металлический ящичек, Кэрол, вращая глазами и размахивая руками, в красках описывала то, чему явилась свидетелем, пока пылесосила на обоих этажах:

– Фред уже одевался, я его раздела, обратно уложила, Дорис орала «помогите, помогите», Бэрил такая мамонтиха, пока я ее развернула, пока обратно в спальню проводила, пока обратно в кровать запихнула – чуть спину не сломала! Черт знает что!

По дороге в комнату Фрэнсис Наташа спросила:

– А Божена где?

– В прачечной, якобы стирает. Сама, наверно, по телефону трещит! Говорю же, нам с тобой придется все тут расхлебывать, а она будет или по телефону болтать, или дрыхнуть.

– Ладно, не паникуй, Кэрол, сейчас дадим Мэри диазепам и будем надеяться на лучшее.

Но Мэри принимать таблетку не пожелала. Она сидела на краю кровати рядом с плачущей Фрэнсис и прижимала ее к себе. Кэрол шагнула к ней, наклонилась, собралась что-то сказать, но Мэри молниеносным движением схватила ее свободной рукой за волосы, притянула к постели и уткнула ее носом в одеяло. Кэрол рухнула на колени, а Мэри придавила ее затылок локтем.

Наташа, зажав под мышкой журнал с ящичком, бросилась к Кэрол и отпихнула локоть Мэри.

Кэрол, красная и растрепанная, офыркиваясь и ругаясь, вскочила на ноги и отпрыгнула в сторону. Наташа начала было говорить Мэри что-то вразумляющее, но та схватила с тумбочки настольную лампу и швырнула ее в Наташу. Наташа отскочила, и лампа с грохотом шмякнулась о дверь. Зеленый абажур с бахромой слетел и откатился в дальний угол комнаты (лампочка была давно выкручена, потому что Фрэнсис повадилась завешивать абажур трусами).

Мэри истошно закричала на них, что ей не до таблеток. Что ей надо спасать эту несчастную девочку. Не видите, ребенок потерялся? «Успокойся, дитя мое, сейчас мы пойдем на улицу и найдем твою маму». Фрэнсис заплакала еще пуще и жалобно запричитала:

– Где мои мама с папой?

В дверь постучала и просунула голову Божена:

– Я не знала, где вы быть! Что такое тут?

Наташа подобрала лампу с абажуром, и они вышли из комнаты. Надо было придумать, что делать.

Кэрол сказала, что надо позвонить Дениз. Наташа возразила, что Дениз вряд ли ответит. Она же любит абстрагироваться после работы. Кэрол попросила Наташу выражаться нормальным языком. Наташа предложила зайти еще раз – втроем. Иногда новое лицо, другой голос действуют на резидентов отрезвляюще.

Божене вкратце объяснили, что у Мэри «эпизод» и что она отказывается от таблетки. Божена предложила таблетку раскрошить и смешать с сахаром или сделать бутерброд и вдавить ее туда.

Кэрол сделала шаг назад и за ее спиной покрутила пальцем у виска.

Наташа сказала, что это запрещено, а если кто-то это и делает, то только с официального письменного разрешения врача после рассмотрения им, врачом, ситуации. Божена сказала «пф» и спросила, что это за ящичек и книга у Наташи под мышкой.

Кэрол сделала волчий оскал и вытаращила глаза.

Наташа объяснила, что в нем под ключ хранятся лекарства повышенного риска, а в книге записывается, какое лекарство, в какой дозе, в какое время и кому было выдано, а тот, кто его выдал и тот, кто был назначен свидетелем, в этой книге расписываются.

Божена опять сказала «пф». Они вошли в комнату. Мэри и Фрэнсис по-прежнему сидели в обнимку на кровати. Фрэнсис всхлипывала. Мэри гладила ее по волосам. Обе выглядели более или менее спокойно.

Наташа и Кэрол поздоровались и сделали вид, что ничего не произошло и что пять минут назад их здесь и не было. Мэри благосклонно им улыбнулась. Наташа отперла ящичек, вынула диазепам, выдавила таблетку в пластиковый стаканчик и поднесла его Мэри: «Мэри, дорогая, Вам надо принять лекарство...». Кэрол стояла рядом, держа наготове стакан с водой.

Мэри опять заволновалась, затряслась и замахнулась на них: «Пошли вон!». Божена решительно вынула из кармана чайную ложку (чайные ложки носили в карманах все – в случае необходимости ими было удобно отпирать двери, запертые резидентами изнутри), выхватила у Наташи стаканчик с таблеткой, перекинула таблетку в ложку и вдруг оглушительно рявкнула, как генерал на плацу:

– Открыть рот!!

Фрэнсис перестала плакать, у Мэри от изумления и неожиданности отвисла челюсть, Божена в мгновение ока сунула ей в рот таблетку, отобрала у оторопевшей у Кэрол стакан с водой и поднесла его к губам Мэри. Потрясенная Мэри автоматически сделала несколько глотков.

– Все! – объявила Божена и, сказав, что сейчас сделает обход, запечет три картофелины и через десять минут будет ждать их на кухне, вышла из комнаты.

– Какая же она дура, – не желая признавать свое поражение, пробормотала Кэрол.

– Тем не менее и как бы то ни было, диазепам у Мэри в желудке.

Наташа обернулась к Мэри и проникновенно сказала:

– Мэри, спасибо Вам огромное! Вы нам так помогли! Мы бы не справились без Вашей помощи! Вы нашли эту потерявшуюся девочку и успокоили ее! Тем временем мы позвонили в полицию, ее родители нашлись и заберут ее завтра отсюда с первым дилижансом! А пока давайте уложим ее спать, ей надо отдохнуть.

Мэри оправилась от шока, растрогалась и помогла Наташе и Кэрол поудобнее уложить «девочку» в постель и подоткнуть под нее одеяло.

– А теперь и Вам, Мэри, надо отдохнуть, у Вас был трудный день. Вы весь день сегодня были на ногах, Вы сослужили церкви огромную службу. Давайте мы проводим Вас в Вашу спальню, викарий предоставил Вам комнату и Вы можете тут переночевать, чтоб Вам не идти домой посреди ночи.

– Правда? Сам викарий выделил мне комнату? О, как это мило с его стороны! Спасибо огромное!

– Что Вы, что Вы, это Вам спасибо! А теперь Вам надо отдохнуть, чтобы завтра в новыми силами приняться за работу. Ваша помощь неоценима. Вы ведь поможете нам завтра, Мэри?

Мэри позволила проводить себя в ее комнату, переодеть и уложить в кровать. Таблетка уже начала действовать, Мэри успокоилась, расцеловала их обеих, сказала, что безумно их любит и заснула со счастливой улыбкой на лице.

Наташа и Кэрол с облегчением вышли из ее спальни.

– Ну, ты и горазда врать, миссис Уотсон! И церковь приплела, и дилижанс. Про церковь я понимаю, Мэри там работала много лет, а дилижанс-то откуда взялся?

– Сам в голову пришел. Вдохновение на меня накатило.

– Пойдем картошку есть, вдохновение.

Божена уже сделала салат, достала майонез, масло, соль, тертый сыр и три подноса с тарелками, вилками и ножами. Она вытащила из микроволновки три горячие картофелины и, обжигаясь, раскидала их по тарелкам.

Они устроились поудобнее на креслах в гостиной, установив на коленях подносы с едой. Божена сказала, что проверила всех резидентов, все спят, за исключением Изабеллы – она вытащила из шкафа все свои платья и кофты, а из ящиков комода – все белье и сложила вещи аккуратными стопочками на кровати. Фотографии в рамках, статуэтки и вазочки были завернуты в трусы и майки и разложены на полу. Сама Изабелла сидела в кресле в пальто и шляпке и ждала автобус. Ей очень понравилось в этом отеле, но пора ехать домой. Конечно, через пять минут – это же Божена! – все вещи были на своих прежних местах, а Изабелла – обратно в постели.

Они поели, и Наташа сказала:

– Следующий обход – в четыре, а пока отдыхайте, девочки, коли есть возможность. Никогда не знаешь, что тут может приключиться.

– Да уж, в этом дурдоме нужно всегда быть готовым ко всему, – пробормотала Кэрол.

Божена достала учебник английского языка и уткнулась в него, Наташа обложилась папками, графиками и таблицами, которые ей надлежало заполнить, а Кэрол свернулась калачи-

ком на диване и заснула. Она спала мертвецким сном до самого утра, громко храпя, пропустив обход в четыре часа и не среагировав на появление в гостиной Дерека, стучавшего палкой и громко вопрошавшего, где он, где все, что это за забегаловка и как он в ней оказался. Не слышала она и адресованных Дереку властных окриков Божены и мягких, успокаивающих уговоров Наташи. Разбудить ее удалось только в шесть часов, когда уже пришла пора будить резидентов и разносить им утренние чашечки чая или кофе.

ГЛАВА 5

В десять утра Наташе надо было явиться в конференц-зал муниципалитета, поэтому лечь спать после ночной смены не имело смысла. Майкла и Лоры уже не было дома – это хорошо, значит, не проспали. Она приняла почти холодный душ, выпила кружку крепкого кофе, нарядилась и надела черный костюм и белую блузочку с мелкими оборочками, которую стянула у Лоры. Лора не должна возражать, она сама тырит ее одежду.

В фойе здания муниципалитета она подошла к девушке за стойкой и доложила ей, что она – миссис Наташа Уотсон, пришла сюда переводить конференцию, назначенную на десять часов. Девушка за стойкой, радостно улыбаясь, как будто Наташа была ее закадычной подругой, попросила ее сесть в кресло и подождать, когда за ней придут.

Наташа направилась к креслу, и ей навстречу поднялась дама в брючном костюме и, приветливо улыбаясь, заговорила с ней:

– Миссис Уотсон? Меня зовут Клэр, я председатель конференции. – Она пожала Наташе руку. – Я Вас специально поджидала, хотела бы, чтобы Вы перед началом конференции поговорили с Мариной, с матерью. Мне надо составить хоть какое-то представление о клиентке, меня попросили председательствовать в последний момент, Джоун заболела, материалы получила только сегодня утром и иду на это слушание всухую, – тараторила она. – Вы с Мариной не знакомы? Вы что-нибудь о ней знаете? Она очень напугана.

– Что вы, – засмеялась Наташа. – Если бы я была с ней знакома, меня бы на пушечный выстрел сюда не пустили – конфликт интересов, профессиональная этика и все такое. Нам ведь тоже ничего о клиентах не сообщают из соображений конфиденциальности. Я знаю только, что тут будет русская женщина из Литвы и что эта конференция – насчет включения ее ребенка в План по защите интересов детей. Так что, я тоже всухую.

– Ну, надо же, какие тонкости, я и не знала! Тогда нам тем более надо предварительно с матерью поговорить. Я ее пока отвела в отдельную комнату, она сейчас сидит там, ждет нас.

В комнате сидела молодая женщина в джинсах, кроссовках и черной майке с черепом на груди. Половина головы у нее была обрита, а другая половина коротко острижена и покрашена в иссиня-черный цвет. Плечи и руки покрывала татуировка, на груди висело много серебряных цепочек, на каждом пальце – по несколько железных колец, уши – все в серьгах. Глаза были густо обведены черным карандашом, а губы накрашены темно-синей, почти черной помадой.

Слегка обалдев, Наташа представилась и пожала ей руку. Девушка посмотрела на нее жалобно. Действительно, напугана, подумала Наташа, а с виду такая, что сама кого хочешь испугает в темном переулке.

– Я оставлю вас минут на пять, вы поговорите, а потом, Наташа, уделите мне минут пять, пожалуйста, перед началом конференции, – скороговоркой сказала председательница и быстро вышла из комнаты.

Наташа даже не успела ей ничего сказать. Она выскочила за ней и объяснила, что ей не разрешается оставаться наедине с клиентами и вступать с ними в разговоры и что она подписала на этот предмет соглашение с переводческим агентством. Председательница опять удивилась и сказала, что это останется между ними и что же ей еще остается делать, если ей подсовывают дела прямо перед их началом?

Наташа удовлетворилась таким ответом, потому что этот пункт в соглашениях всегда казался ей дурацким. Очень часто она сидела в комнатах ожидания с русско-говорящими клиентами перед приемом к врачу – и сидеть рядом и молчать, как два истукана, казалось ей идиотизмом. Тем более медсестры, тоже не подозревающие о всяких нюансах, усаживали их вместе со словами: «Вот и славно, вы пока посидите и поговорите тут, мы вас скоро вызовем».

Но обезопасить себя все-таки надо, вдруг что случится, вдруг начнется, не дай Бог, раследование и выплывет, что переводчица и клентка о чем-то шушукались; тогда она сможет сослаться на то, что председательница сама дала ей добро. Наташа уже привыкла везде и всюду подстраховываться. Тут всего можно ожидать. Где-то она читала, что одной беременной женщине сказали, что у нее будет мальчик, и они с мужем оформили детскую в голубых тонах и купили голубой одежды, а родилась девочка. Супружеская пара подала в суд и отсудила себе несколько тысяч.

Наташа вернулась к Марине.

– Вы не волнуйтесь, Марина, все будет хорошо.

– Я не понимаю, что им от меня нужно? Чего они ко мне прицепились? Пишут, звонят, угрожают, присылают каких-то людей, суют нос в мои дела, расспрашивают. Даже в школу лезут. – Марина смотрела на нее с надеждой.

В большинстве случаев клиенты принимали переводчиков за своих сторонников, видели в них спасителей и помощников, и это, хотя и было приятно, немного мешало – опять-таки из-за пункта соглашения, в котором «переводчик должен оставаться лицом нейтральным и беспристрастным». Но была и другая, пусть и небольшая, категория клиентов. Они переводчиков ненавидели – считали, что жизнь у них в Англии удалась, они устроились, адаптировались, выучили язык и теперь на этом наживаются, в отличие от большинства иммигрантов, бесприютных, нищих и никому не нужных.

С клиентом из «ненавидящих» Наташа столкнулась только один раз. Он злобно сказал после того, как они вышли из кабинета врача:

– Благодарить я тебя не буду. Тебе и так за это деньги платят. И не пять-пятьдесят в час, как мне на овощебазе. Муж-то, небось, англичанин? Живешь тут, как у Христа за пазухой, еще и на нас наживаешься. Прикид у тебя, смотрю, недешевый.

Наташа не нашлась, что ему ответить и очень расстроилась. И от хамства, и от несправедливости. Он-то ведь никому, собственно, за переводческие услуги не платит. Да и за медицинские тоже. И знал бы он, что на одни доходы от переводов ей ни за что не прожить и не прокормить двоих детей и что она работает еще и в доме для умалишенных стариков, где ей платят прилично, но кидают в нее ссаными трусами и где она моет обкаканные сморщенные попы! А сколько лет и сколько сил она вложила в то, чтобы утвердиться как переводчик-фрилансер!

– Марина, вы, я вижу, недавно в Англии и еще не совсем понимаете здешнюю жизнь. Я вас уверяю – они «суют нос», как вы говорите, из самых лучших побуждений. У социальных служб работа такая – заботиться о благе детей. Я не знаю конкретно, что произошло именно у вас, но если кто-то увидел, что маленький ребенок бродит один по улице или остается один дома, или у него на теле синяки – соцработники тут как тут. И – все, механизм заработал.

– Да ничего у нас не произошло... Была вечеринка, собрались с друзьями, выпили, малой выскользнул из квартиры и гулял в парке, темнеть уже начало. Я когда спохватилась, выскочила, потащила его домой, ругалась, конечно... А соседи настучали в полицию, что, мол, пьяная оргия у нас, ребенок один в потемках в парке, мать его бьет. И – началось, пошло-поехало... Я не отвечала ни на письма, ни на звонки, на вызовы не приходила. А тут последнее письмо... пригрозили, что Сашку отберут... – у Марины перехватило дыхание.

– Слушайте меня, Марина. Все, что вам сейчас будут предлагать – деньги, курсы, терапию, кружкí, – все принимайте и ходите на все мероприятия. Являйтесь, как штык. Если вас будут сейчас в чем-то упрекать, – не вздумайте спорить! Кайтесь, говорите, что исправитесь. Говорите, что выпивали из-за стресса, потому что были расстроены, не отдавали себе отчета. Отвечайте на звонки, письма, приходите на встречи, куда вас приглашают. Всем своим видом, словами, жестами показывайте, что души не чаєте в Саше. Иначе его у вас отберут, и вам понадобятся годы, чтобы его вызволить обратно. Поняли меня?

Марина с трудом сглотнула и кивнула.

– Вы не пугайтесь слова «конференция», в Англии даже совещание из трех человек так называется, – добавила Наташа. – И еще одно: этого разговора между нами не было!

Заглянула председательница Клэр и увлекла Наташу в уголок:

– Ну что? Что она сказала? Я специально сделала, чтобы она осталась с Вами наедине, при мне бы она стеснялась и не раскрылась.

– Марина считает, что социальные службы вмешиваются в ее личную жизнь. Она не понимает, почему. Я постаралась ей объяснить, что социальные работники желают ей только добра.

– Да, да! – с жаром подхватила председательница. – Эти люди ведь этого не понимают! Я тут пролистала ее дело, пока вы с ней разговаривали, – бесконечные пьянки, семилетний ребенок без присмотра, один гуляет в парке, мать его тащит волоком за руки, школу пропускает, неопределенные личности беспрестанно входят и выходят из квартиры. На пособия она не подавала, работает на заводе в ночную смену на полставки – на что она живет?! Вы знаете, мне кажется, тут пахнет проституцией. Или она, может быть, – низшее звено в наркобизнесе.

– Нууу... – опешила Наташа, – это вряд ли...

В кабинете, именуемой конференц-залом, их уже ждали человек десять, сидевших за длинным столом, – Сашина учительница, ее ассистентка, медсестра, два социальных работника, три представителя из разных благотворительных организаций, секретарша председательницы, психолог и даже диетолог.

Все представились, Клэр обрисовала ситуацию, все работники сделали то же самое со своих позиций и начали закидывать Марину вопросами: мы организовали для вас курсы поддержки – почему ни разу не пришли? мы прислали вам анкеты для оформления пособий – почему не заполнили и не прислали их нам? мы организовали для вас бесплатное получение продуктов в центре для малообеспеченных неполных семей – почему ни разу там не были? почему часто опаздываете в школу за Сашей после уроков? как он питается, почему у него лишний вес? есть ли у него распорядок дня? почему у него нет друзей? почему у вас дома постоянно шум, гам и посторонние люди? почему не открываете дверь, когда к вам приходят социальные работники? почему не являетесь на назначенные встречи? на какие средства вы живете – может быть, вам платят за, извините, секс?

Марина слушала бубнящую ей в ухо Наташу и бледнела все сильнее и сильнее, у нее дрожали губы, и когда очередь дошла до Сашиной учительницы, и она начала говорить, что Саша – очень умный, способный и милый мальчик и что Марина должна им гордиться, Марина уронила голову на лежащие на столе руки и разрыдалась.

Сделали перерыв, председательница и Наташа вывели Марину на улицу, напоили ее холодной водой, Марина покурила, успокоилась, и они вошли обратно в здание. Председательница заскочила в туалет, и Наташа, поднимаясь с Мариной по лестнице, сказала ей:

– Это хорошо, что Вы плакали.

– Хорошо?! Почему?!

– Потому что вы этим показали, что любите своего ребенка, боитесь с ним расстаться.

После этого конференция быстро закончилась. Марина сказала, что из-за того, что плохо говорит по-английски, она ничего не понимала – ни писем, ни звонков, ни визитов, ни присылаемых анкет – и видела только, что на нее «напустились» и что к ней «пристали» по совершенно не понятным ей причинам. У них в Литве дети в Сашином возрасте сами ходят в школу и играют одни во дворах допоздна. У нее тут много друзей-соотечественников, они часто собираются, ходят друг к другу в гости каждый день, поддерживают друг друга. Никакого «секса за деньги» у нее нет.

Она думала, что если не обращать на непонятные звонки, письма и визиты никакого внимания, от нее в конце концов отцепятся, а теперь вот, с переводчицей, как-то все стало яснее.

Участники конференции прониклись сочувствием, посетовали, что «в Эстонии», конечно, все по-другому и единодушно решили дать Марине второй шанс и пока не включать ее сына в План по защите интересов детей, каковой являлся платформой для начала процедур по изъятию Саши из неблагонадежной семьи и поиску для него опекунов.

Марина при этом заявлении опять побледнела и у нее опять задрожали губы, но все в один голос начали ее успокаивать, что теперь социальные работники будут приходить с переводчиком, что они вместе заполнят заявления на пособия и что она, в свою очередь, должна им пообещать, что будет принимать всю предлагаемую помощь, не будет устраивать дома проходной двор, будет забирать Сашу из школы сама и вовремя, что у него будет режим, здоровое питание и хотя бы один внеклассный кружок, чтобы он смог обзавестись друзьями своего возраста.

Они дадут ей срок в два месяца, в конце которого по результатам ее поведения решат, включать Сашу в План или снять его с учета.

По окончании конференции Марина, глядя на Наташу черными глазами с размазавшейся тушью, прошептала: «Спасибо огромное», а председательница долго трясла ей руку, благодарила и повторяла: «Как нам повезло с Вами!». Восхищалась, как легко Наташа переключается с одного языка на другой: «Это должно быть так трудно, особенно когда все говорят быстро и в одно и то же время! Как Вы это делаете? А мы, англичане, ленимся учить иностранные языки». Наташа скромно сказала, что это всего лишь её работа, распрощалась с председательницей, которую уже успела полюбить, и поехала домой.

Дома она, скинув туфли на каблуках, сняла пиджак и блузку прямо у порога, бросила их на пол и, совершенно обессиленная, распласталась на диване. Ночная смена плюс два часа невероятного умственного и эмоционального напряжения! Все-таки в судах переводить легче: там одни сухие факты и все по делу. Нет таких надрывов и накала эмоций, когда от жалости к несчастной матери-дурехе и ее детям часто сама чуть не реवेशь вместе с клиенткой.

Несмотря на усталость, в Наташе все еще бушевал адреналин. Примерно еще час-полтора она не сможет заснуть. В фэйсбук, что ли, залезть, подумала Наташа, но передумала: там все одно и то же... Выкладывают фотки еды, селфи с надутыми губами... Все это ее уже давно раздражало.

Наташа зарегистрировалась в фэйсбуке сравнительно недавно – и была ошеломлена. Какие там бушевали ураганы, сколько злобы, ненависти и дерьма люди выливали друг на друга...

Она открыла для себя новый, доселе не ведомый ей термин «ватник». Он вроде бы пришел на смену «совку». Анти-ватники назывались либералами. Были какие-то знаменитые, весьма почитаемые журналисты-блогеры, о существовании которых она раньше не подозревала. Время от времени они публиковали истеричные блоги. За ними следовали взрывы еще более истеричных комментариев. Упоминались имена каких-то деятелей и их высказывания. Наташа понятия не имела, кто они такие и о чем, собственно, речь. Тем не менее, участники групп вели обсуждение яростно и со знанием дела. Их слюна брызгала с экрана компьютера. Ненависть к современным российским политическим деятелям переносилась на все пласты русской истории и культуры. Судя по комментариям, большая часть либералов жила за границей. В основном, в Америке.

Зарегистрировалась она было и в «Одноклассниках», но быстро от них отписалась. Там тоже ругались – до остервенения, до визга. Сталин стал хорошим, его хвалили; Горбачев стал плохим, его ругали. Он был ублюдком и упырем, развалившим страну. Уехавшие из страны были предателями, покинувшими Родину. Они ее тоже развалили и – свалили.

Оказалось, что жизнь в СССР была раем. Выяснилось, что не было в брежневской России ни очередей за туалетной бумагой, ни талонов на мясо, масло и сахар, ни коррупции, ни блата, ни национализма, ни хамства, ни пьянства, ни преступности. Была забыта ежегодная битва

за урожай в помощь труженикам села. Многочасовое выковыривание картошки из холодной октябрьской грязи окуталось ореолом романтики. Утверждалось, что продукция самого высокого качества в мире действительно лилась в закрома Родины.

В «Одноклассниках» клеймили позором «укров» и «пидарасов»; сетовали, что кот ссыт в «тапок»; худели и жрали по ночам. Особенно Наташе лезла в глаза, нос и уши безграмотность, а «пидорас» и «тапок» доводили ее до белого каления. Откуда-то еще взялось слово «няша».

Ей все это быстро надоело, и она решила остаться только в фэйсбуке, и при этом не залезать в политические группы, в войну между либералами и ватниками, кидающимися друг в друга какашками.

У нее и без них хватает негатива в жизни. Она – пацифист, у нее в волосы вплетены васильки и ромашки, а в душе цветут розы. Она в длинной юбке из разноцветных лоскутков ходит босиком по траве, держась за руки с другими пацифистами, они смеются невинным детским смехом и повторяют со счастливой улыбкой на устах: «Мир, любовь, счастье...».

Она начала засыпать, когда ее руку пощекотало что-то пушистое. Она открыла глаза и увидела сидящего перед ней Пафнутия.

– Няша, ты ведь не насышь мне в тапок? – спросила она его, зевая.

Пафнутий недоуменно пожал плечами и ушел.

Видимо, поднялся ветер, потому что начало трещать окно. Давно уже надо снять это изделие, но было как-то неловко. Энтони смастерил его из самых лучших побуждений. Хотел помочь вдове своего брата. Из окна сильно дуло, и он сколотил из реек раму, прибил к ней лист пластика и приладил это сооружение к окну. Щели были закрыты, сквозняк ненадолго прекратился, но скоро пластик растянулся, провис, оттопырился от реек, а в одном месте дал трещину. И каждый раз, когда поднимался ветер, от окна исходил характерный треск.

Резко зазвонил телефон. Звонила Дениз:

– Любовь моя, извини, что тебя беспокою, не пугайся, я не буду просить тебя взять дополнительную смену – на этот раз, во всяком случае, – хмыкнула она. – Я просто хотела тебя поблагодарить, что ты так меня выручила вчера! Огромное тебе спасибо! Жаль, что с Мэри возникли проблемы... Но вы прекрасно справились.

Потом она осторожно спросила:

– А Божена... вела себя достаточно профессионально?

– Да, Божена вела себя достаточно профессионально.

Видно, Кэрл уже что-то ей наплела.

– Ну и прекрасно! – с облегчением ответила Дениз. – Мэри весь день сегодня как шелковая. Непонятно, что это на нее нашло вчера... Что поделаешь – бывает такое – что-то вдруг в мозгах переключит – и все. У всех у них иногда случаются такие «эпизоды»... А в остальном все нормально, никаких происшествий... Да, между прочим, Гарри останется с нами еще на одну неделю. Его адвокат попросила нас поддержать его подольше, он еще не совсем оправился.

Наташе не было никакого дела ни до Гарри, ни до его адвокатши, ни до Дениз. Она постаралась в рамках приличия побыстрее от нее отделаться, но как только положила телефон, он зазвонил снова.

– Да! – рявкнула она.

– Я не поняла, ты почему не берешь трубку?! Я ей звоню-наяриваю второй день, а в ответ один игнор! Ты дрыхнешь, что ли?

– Дрыхну, – сухо ответила Наташа.

– А когда проснешься?

– Завтра.

– Ну, и фиг с тобой. Главное – живая, и ладно. Завтра позвоню. Я соскучилась. Дрыхни дальше.

– Спасибо, Катя.

Нет ей покоя ни днем ни ночью! Наташа сунула ноги в тапки – они были сухие, писать в них Пафнутию воспитание не позволяло – и пошла на кухню. А не выпить ли ей глоточек вина, чтобы немножко расслабиться? Никто ведь не против?

—

– А не выпить ли нам по глоточку вина, чтобы немножко расслабиться? Ты ведь не против? – спросил Федька.

Наташа сидела в его комнате на стуле у стены, а он – за письменным столом. Комната у него была маленькая и узкая; у одной стены – сервант и застеленная зеленым махровым покрывалом полутораспальная кровать, у другой – кухонный столик с маленькой электроплиткой, письменный стол с двумя стульями и тумбочка с телевизором и проигрывателем. Окно выходило на тихий переулок, усаженный деревьями. Из окна было видно булочную-кондитерскую. Они со Светкой говорили про нее: «Булочная, она же кондитерская».

Когда Федька жил с женой, у них, как у семейных, была большая комната с кухней в другом крыле общежития. Жену звали Оля. Наташа видела ее только мельком. Она была некрасивая, но привлекательная. Состояла из одних косточек. Жена закончила институт на год раньше Федьки и уехала в свой город, к родителям и ребенку, а он перебрался в меньшую по размерам комнату.

На обсуждение вопроса о дежурствах на кухне ушло не больше минуты: Федька усадил ее на стул, с преувеличенным интересом выслушал ее заранее приготовленную речь о безответственности отдельных лиц, покивал, сказал, что примет меры, а потом накрыл своей ладонью ее руку и попросил: «Расскажи мне о себе».

Пока она сбивчиво рассказывала, он внимательно ее слушал и не сводил с нее серых, немножко нахальных глаз.

Наташа знала, что он очень хочет ее поцеловать. От этого слегка мутилось сознание. Возникало неясное чувство, что она странным образом имеет над ним власть, – над ним?.. она?.. – и сознание мутилось еще больше.

Федька достал из серванта два бокала, призраками стоявшие за стеклянной дверцей. К внутренней стороне дверцы была прикреплена фотография маленького мальчика. «Это мой сын». Федька поправил фото. «Ты ведь знаешь, что я женат?». Наташа кивнула. Жена и сын казались ей нереальными, условными, как образы во сне.

Вино называлось «Золотая осень», и вроде бы было очень невкусное. Наташа смогла выпить только полбокала. В голове и без вина растекался дурман и дрожало зыбкое марево. Косноязычие Наташи постепенно сменилось красноречием. Пошли разговоры о странной картинке на стене над столом, о бабушках, дождях, Апдайке, «Челюстях», «Юноне и Авось», Тарковском, институтском буфете, булочной-кондитерской, собаках и даже крокодилах.

Федька все время повторял: «Правда?», «Да что ты говоришь?», «Неужели?», «Не может быть...». В его глазах читалось... восхищение. Он ею... любовался. Она знала, что очень скоро он ее поцелует. Мозги таяли, как будто кто-то шептал ей на ухо что-то ласковое, неразборчивое, едва касаясь мочки губами...

Федька встал со стула, опустился перед ней на колени, взял ее руку и поцеловал в ладошку. Потом стал целовать ее руку все выше и выше, пока не добрался до ее рта. Наташины руки обвились его шею, он подхватил ее и бережно положил на полутораспальную кровать с зеленым покрывалом...

Ядра, цитоплазмы и что-то там еще в клетках ее тела растворились и заполнились только четырьмя стихиями первоматерии – небом, землей, водой и огнем. Не хотелось ничего изме-

нять, прибавлять, убавлять и улучшать – все было идеально, совершенно, красиво, безупречно и чисто...

—

ГЛАВА 6

Наташа подремала немного, и вдруг у нее громко забурчало в желудке. Она прошлепала босиком на кухню и открыла холодильник. Кроме банки майонеза и пачки сырого бекона мелкими кубиками, в нем уже ничего не было. Пришел Пафнутий и, от голода потеряв степенный вид и чувство собственного достоинства, начал тереться о ее ноги и громко, заискивающе мурлыкать, как юнец, только что подобранный на улице.

Наташа насыпала ему в тарелку корму, взяла из корзинки одинокий банан, уже пошедший пятнами, и пошла обратно на диван. Перед тем, как лечь, потеряла по штанинам сначала одной ногой, потом другой, чтобы стряхнуть прилипшие к ступням крошки, и устроилась поудобнее, закутавшись в клетчатое одеялко.

Какой бардак у нее дома. Когда-то, в лучшие времена, была у нее уборщица, но Наташа имела неосторожность с ней подружиться. Уборщица начала халтурить, а Наташе уже неудобно было ее ругать.

Теперь и плохая уборщица бы сошла. На кухне – гора немытой посуды, дыра на потолке, безногий слон на стене, бойлер сломался, повсюду хлам, какие-то железяки Майкла в коридоре, а в его комнату – да и Лоры тоже – лучше не заходить. Все валялось на полу, как после взрыва – и одежда, и учебники, и папки. Наташа не знала, как приучить их к порядку. На мотивационные речи у нее не было ни желания, ни сил, ни времени. Если оно и выдавалось, Наташа предпочитала просто разговаривать с ними или смотреть какой-нибудь фильм, лежа вповалку на диване. Ругать их у нее не поворачивался язык.

Дэйвид был замечательным отцом. Нельзя, чтобы Майкл и Лора закупоривали горе в себе. С самого начала Наташа осторожно вызывала их на разговоры о нем. Плакали все троим. Плакать было необходимо для естественного процесса заживления травмы. Постепенно плакать перестали, но по-прежнему часто о нем говорили. Теперь слез уже не было. Теперь спокойно и грустно вспоминали истории из их жизни вчетвером, его шутки, громкое, во все горло, пение мимо нот, и иногда даже смеялись.

Болела шея. Уснула в неловком положении, хоть и на подушке, – и все, теперь загривок будет болеть минимум неделю. Наташа положила себе под голову еще одну подушку, притулившуюся в другом углу дивана.

— Я положил вторую подушку, – сказал Федька. – Я тебя ждал. А ты не пришла.

Наташа действительно не пришла. Весь день провела в блаженно-полубессознательном состоянии. Было чудо, какое бывает только раз в жизни, и оно больше не повторится. «Это мой сын. Ты ведь знаешь, что я женат?».

Теперь он, как женатый человек и отец семейства, раскаивается в содеянном. В том, что поддался непростительной минутной слабости. А она будет лелеять воспоминания до конца своей жизни и рассказывать о них внукам... Нет, внукам не будет – что за бред... Никому не будет рассказывать... Это ее секрет, тайна. Даже он не должен знать, какое это было для нее счастье... «Счастье бродит по стране в длинных белых одеждах, распевая детскую песенку: Ах, Америка, это страна, там гуляют и пьют без закуски». Счастье – это «наивная детка». Или своенравная кошка – пришла, посидела, помурлыкала, ушла.

Наташа не видела Федьку весь следующий день, всю следующую ночь и потом еще целый день, отчасти даже радуясь, что не видела его, потому что не знала, как именно среагирует на встречу. Однако знала точно, что среагирует как-то ужасно: или покраснеет, или побледнеет, или в зобу дыхание сопрет, или у нее сделаются ватными ноги, или подкосятся колени. Скорее

всего, все вместе. То есть, поведет себя как дура. А он кивнет и поспешно пройдет мимо. Или даже вообще сделает вид, что ее не заметил.

Часов в семь вечера раздался стук в дверь. Наташа и Света зубрили лексику. Светка – ожесточенно, Наташа – рассеянно.

– Да! – крикнула Света. Она думала, что это опять Шурик. Но на пороге предстал Федор. Именно Федор. Именно предстал.

– Наташа, зайди ко мне, пожалуйста, – сказал он сдержанно и ушел.

Наташа на ватных ногах, с трясущимися руками и коленями, то краснея, то бледнея по дороге, через минуту была у него.

– Садись.

Наташа села на тот же стул, на котором сидела в прошлый раз.

– Супу хочешь? Я тут суп сварил.

Он разлил суп по тарелкам.

– Почему ты ешь без хлеба? Бери хлеб.

– Я его не люблю, – Наташа старалась унять дрожь в руке с ложкой.

– Кто же ест суп без хлеба?

– Я ем. – Наташа попыталась улыбнуться.

Потом он заварил чай и они выпили по чашке с пирожными «картошка». Федька извинился, что пирожные вчерашние. Он их купил вчера в булочной-кондитерской напротив. Она ведь говорила, что любит их.

Он откинулся на стуле, спросил, можно ли закурить, и глубоко затянулся.

– Ну, расскажи теперь, как ты провела эти двое суток, – выпуская дым и щуря глаза, – сказал он, – чем занималась. Наверно, чем-то очень безумно интересным – поделись со мной.

Наташа опять попыталась улыбнуться и сказала с деланой беспечностью:

– Ну, как провела... Институт, общага, уроки – уроки, общага, институт. Тоска.

Он немного помолчал.

– Вот есть такие люди, – опять затягиваясь и глядя на нее сузившимися от дыма глазами, медленно сказал Федька, – ты думаешь, они хорошо к тебе относятся, и ты думаешь, что все как нельзя лучше, – а они вдруг, без всяких слов и объяснений, исчезают из твоей жизни. И ты сидишь, как дурак, и думаешь – почему? что я такого сделал, что сказал? Или это просто такие люди, которые порхают по жизни, как бабочки, проводят с кем-то ночь и тут же забывают об этом и живут себе дальше, ни о чем не тревожась? Я думал, что ты к этой категории не имеешь никакого отношения. Скажи мне, что не имеешь.

– Федь... – у Наташи задрожали губы. – Я не имею... я думала, ты раскаиваешься в содеянном...

– Что?!

– Ты же это... женат как бы... – глупо промямлила Наташа.

– И поэтому не пришла?

– Да...

Федька встал, походил по комнате.

– Дурочка... «Раскаиваешься в содеянном». Я не раскаиваюсь в содеянном. Пусть тебя это не волнует. Это мои проблемы... Глупый малыш.

Он еще походил.

– Я положил вторую подушку, я тебя так ждал, а ты не пришла... Я думал, тебе наплевать на то, что было...

Наташа сказала:

– Мне не наплевать на то, что было. Очень не наплевать...

Федька открыл дверцу шкафа, вытащил оттуда подушку и положил на кровать рядом со своей.

– Я ее вчера зашвырнул туда. В сердцах. Надеюсь, в ближайшем будущем больше ее убирать не придется.

Обида в серых глазах сменилась облегчением, облегчение – радостью, радость – тусклым блеском...

Больше они никогда – на отмерянный им срок – не расставались. Наташа приходила к нему в часы затишья в общежитии, когда все в нем, казалось, вымерло, и уходила в такое же безлюдное время. Вроде бы все равно все узнали, потому что Наташа иногда со смутным недоумением ловила на себе любопытные взгляды, но она не задумывалась об этом. Ни она, ни Федька ничего вокруг не замечали...

—

Пластик на окне все так же скрипел. Наташа решительно поднялась, влезла в битком набитую всяким барахлом кладовку под лестницей и, сдувая со лба волосы, выкарабкалась оттуда, держа в руке ящичек с инструментами. Закрыв дверь кладовки, она услышала, что там что-то обвалилось, потревоженное изъятием коробочки. Она немножко постояла перед дверью, потом решила: «Фиг с ним» и пошла к окну.

Да, эта рама была отличной идеей. Дуть действительно перестало, пусть и ненадолго. К осени она заменит пластик и приколотит раму обратно. А на замену окна полностью у нее нет денег и, похоже, никогда уже не будет...

Встав на табуретку, Наташа открутила отверткой винты и открепила деревянную раму от окна. Между стеклом и пластиком накопилось много тугой паутины, дохлых мух, ос и скрюченных сухих паучков. Собрав все это салфетками «Деттол», обтерев стекло и подоконник, Наташа подхватила раму и отнесла ее в сарайчик, именуемый гаражом, в заднем саду. Сарайчик тоже построил Энтони. Она в нем бывала редко, Майкл же пропадал там часами, все что-то мастерил и изобретал.

Наташа осторожно обошла стоящее посередине транспортное средство о двух колесах и пристроила раму к задней стене сарайчика. Подумала и повесила ее тряпками, чтобы не налетела гарь.

Когда она наконец пришла обратно на кухню и начала варить спагетти, пришла Лора.

– Мама! – прямо с порога закричала она. – Что это такое? Почему моя блузка валяется на полу? И пиджак тут твой тоже!

Она примчалась на кухню и увидела ее за плитой:

– А что это ты в одном бюстике и брюках? Майкл Джейк привел, хорошо, что они сразу в гараж поперлись и Джейк тебя не видел. У них там что-то с рамой не клеится.

– Прости, лапуля, я так устала, что сил одежду повесить не было, а потом уснула. Я у тебя блузку сперла, на конференцию, – извинилась Наташа.

Слова Лоры про раму она пропустила мимо ушей.

– Да я уж поняла... Кидают тут некоторые одежду на пол, а потом других за это пият. Двойные стандарты.

Лора подобрала одежду с пола и накинула Наташе на плечи Наташи одеялко.

– Мамуль, я так хочу ёшить, сейчас упаду в голодный коллапс.

– Сейчас все будет готово, – Наташа уже добавила к спагетти кусочки бекона и импровизированный соус «Карбонара» из майонеза. – Позови мальчишек, скажи, кушать подано.

– Майк сказал, что они поели по пути домой.

Когда Лора, доев свой ужин, рассказывала Наташе, как прошел ее день – «а она мне говорит... а я ей говорю... и тут, представляешь, она такое сказала!» – в столовую вошел усталый и запыленный Майкл. Джейк, сказал он, ушел домой.

– Есть будешь, сын?

– Буду, – коротко сказал он.

– Ты же сказал, что уже ел, – напомнила ему Лора.

Майкл, не отвечая, наложил себе в тарелку спагетти и начал молча есть, о чем-то сосредоточенно думая.

– Я раму выбросил, мам, – вдруг сказал он.

– Как выбросил?! Зачем?! – подскочила на месте Наташа.

Майкл удивленно посмотрел на нее и сказал:

– А тебе-то что?

– Как это что? Как что?! Что это взбрело тебе в голову?

– Да она совсем гнилая стала...

– Никакая она была не гнилая! Прослужила бы еще несколько лет!

– Что ты в этом понимаешь?

– Я все в этом понимаю! Почему ты меня не спросил?!

– Да с какой стати я буду тебя спрашивать?

– А с такой! Взял и раму выбросил! Что мы зимой будем делать?

– Что за чушь! И причем тут зима? Что ты прикопалась к моей раме?

– Она не твоя! Она наша! Куда ты ее выбросил?! Сейчас же принеси ее оттуда! Я ее почию и осенью приделаю обратно!

– Ты?! Приделаешь раму к моему мотоциклу??? Осенью? – Майкл ошарашенно смотрел на нее во все глаза, как на сумасшедшую.

Наташа замолчала и тоже уставилась на него.

Корчась и заикаясь от смеха, Лора выдавила из себя:

– Ребята... вы говорите... о разных... рамах...

Наташа и Майкл неуверенно засмеялись.

Через минуту хохотали все. Лора легла на пол и дрыгала ногами, Наташа хватала ртом воздух, Майкл уронил голову на стол, колотил по нему кулаком и с трудом выговаривал: «Я испугался, что у мамы нашей крыша поехала... то никакого интереса к моему мотоциклу... а тут вдруг сама чинить его захотела...».

В столовой неожиданно появилась Катя.

– Что у вас тут происходит?! – перекрывая хохот, крикнула она. – Даже дверь не заперта! Я стучала, стучала, потом просто вошла. Ваши вопли с улицы слышно! Я думала, у кого-то истерика, испугалась даже!

Ей кое-как объяснили, что произошло, она хмыкнула и уселась за стол. От ее присутствия все враз утомонились.

Майкл спросил, на какой машине она сегодня приехала, она сказала, что на Лексусе, и Майкл с Лорой вышли посмотреть и перекинуться словом с шофером. Потом они разбрелись по своим комнатам учить уроки, а Наташа с Катей пошли на кухню пить чай. Катя любила пить чай в «людской». Это напоминало ей советские времена. У нее дома муж-немец в титуле барона ей этого не разрешал. Кухня была местом для челяди.

Недоразумение с рамой выбило застрявший в Наташе стресс. Вдруг стало легко и весело.

– Молодец, что приехала! Только я планирую рано лечь спать.

Получилось не очень гостеприимно, но Наташа уже давно не церемонилась с Катей.

– Да я ненадолго, Генрих укатил по делам, а я сбежала на часик. Извини, что без предупреждения. Сил никаких не было дома оставаться, как в тюрьме сижу. Магазины уже все скоро закроются, да и денег нет.

Как бы дико это ни звучало, у Кати при наличии мужа-миллионера действительно никогда не было денег. Муж-миллионер давал ей только двадцать фунтов в неделю на карманные расходы. Ни к одному из его банковских счетов доступа у нее не было. Конечно, о том, чтобы

работать где-то, не было и речи: и муж не разрешал, и сама она, уже много лет просидев дома, по-английски толком говорить не научилась, одичала и членом коллектива быть разучилась.

У нее за плечами был факультет русского языка и литературы и несколько лет работы в школе. Потом она нашла по интернету Генриха. Роберта она родила в тридцать семь лет и почему-то стеснялась того, что так поздно. Она привезла с собой Советский Союз в душе и так и жила в нем... Всегда носила колготки, туфли на каблуках и сумочку под цвет обуви. Всегда на голове у нее была химическая завивка. Всегда макияж.

Несмотря на это, она все равно оставалась красивой. Мужа своего она очень боялась.

– А Робик где? – спросила Наташа. – Почему его с собой не привезла?

– Дома с няней. Почему с собой не привезла! Ты что? Если Генрих узнает, что я его возила куда-то вечером без его разрешения, он меня убьет!

Наташа помялась и спросила:

– Кать, а он тебя, все стесняюсь спросить, не... того... руку на тебя не поднимает?

– Нет, физически он меня не бьет... Но как мне бывает с ним страшно! А развестись с ним – еще страшнее! Он не оставит мне ни копейки, и что я буду делать? Поеду обратно в Ростов? Поволоку туда, в нищету, Робика? Да Генрих его ни за что мне не отдаст, он его обожает и ни в чем ему не отказывает. Это какой-то ласковый нацист, эсэсовец. Вот такой вот оксюморон! У тебя есть что-нибудь выпить?

– А, ты же с шофером... – Наташа достала коньяк и рюмки.

– Джонни сидит в машине, ждет меня. Поехала с ним для подстраховки, в случае чего подтвердит, что я была у тебя, а не шлялась по любовникам. Тебя он уважает.

– Господи, как я тебе завидую! – Катя выпила залпом коньяк. Подперла рукой щеку и посмотрела на Наташу слегка затуманенным взглядом.

– Я понимаю, понимаю, – заметив, что Наташа выпучила на нее глаза. – Ты пашешь, как конь, на двух работах, тянешь двоих детей, лишилась мужа – он ведь тебя на руках носил – такой большой, хороший дом пришлось продать и переехать в эту развалюху – ой, прости, это, конечно, не развалюха, но по сравнению с вашим прежним домом...

Наташа молча слушала. Она тоже выпила два глотка коньяку и теперь думала, что все идет к тому, что Катка испортит ей только что улучшенное настроение. Сейчас ее выпроводить или немного подождать?..

– Да! – с воодушевлением продолжала Катя. – Но ты свободная! Ты смелая! Ты делаешь, что хочешь, и никто тебе не указ! Ты здорово говоришь по-английски – не то, что я – и ты равноправный член общества. А у меня и друзей-то нет – ни англичан, ни русских. С англичанами общаться у меня не хватает языка, а русские сами не хотят со мной дружить... Чужая я и для русских олигархов, и для простых здешних русских баб! А вот ты... ты напоминаешь мне гордого буреветника!

– Это в тебе алкоголь говорит. И не сравнивай меня с гордым буреветником. Может, еще скажешь, что Горький – хороший писатель? Эту Песнь он у кого-то содрал, а уж про «Мать» я и не говорю – посмешище, а не роман. Накорябал на злобу дня. Ему не место в литературе. Его надо исключить из школьной программы.

Катя обиделась.

– Не скажи! Горький занимает огромное место в советском периоде русской литературы, и выкинуть его оттуда невозможно!

– Ой, только лекции мне сейчас не хватало...

– А что ты к Горькому цепляешься? Ты и Льва Толстого все время хаешь! Не ценишь ты русскую литературу! И дети твои ее не ценят, и даже по-русски толком не говорят! Коллапснуты, ешить – это что за слова?

– Вот когда твой Робик прочитает «Войну и мир» – тогда и поговорим на эту тему, – закипая, сказала Наташа. – А хаю я не книги Толстого, а философию. Никак не могу уяснить,

в чем именно она заключается. И почему это такой подвиг – сбежать из дома на старости лет? Восемьдесят один год он мог жить припеваючи, когда его обслуживали слуги, а тут вдруг стал «не в силах». Решил уехать в деревню и жить там один. Как он это себе представлял? Сам бы баню топил, стирал, из туалета выгребал? Да ничего подобного, он так бы и продолжал использовать слуг!

– Он ушел из дома главным образом из-за Софьи Андреевны. Она стала невозможной.

– Сам же замучил ее, довел до неврастения, и бросил. Я тебе вот что скажу: у него просто развилась деменция. У меня вот в доме престарелых все хотят убежать, уехать, все ищут выходную дверь. А побег Толстого на фоне деменции превратили в акт высшего проявления его философии гуманизма! Кстати, у нас один новый старичок появился – вылитый Толстой! Может, поэтому у меня к нему душа не лежит...

– Ой, не надо мне про дом престарелых рассказывать. Не представляю, как ты там можешь работать, в ссанье и в говне.

Все-таки надо выгнать ее прямо сейчас. Пока не поздно. Пока Наташа не огрела ее сковородкой по башке. Наташа смирная, терпеливая и покладистая, но не надо ее злить, когда она устала. Катерина совсем оторвана от жизни в своей неволе. Но если дать ей эту свободу, о которой она только что с придыханием говорила, то она и не будет знать, что с ней делать. Если выпустить ее из клетки, то она не сможет жить, она погибнет. Она забыла, как себя вести с людьми. Она так и будет говорить им гадости, сама того не подозревая. Только одна такая идиотка, как Наташа, может все еще с ней общаться, потому что Катю ей иногда бывает очень жалко.

Катя вдруг сама засобиралась:

– О Господи! Мне надо срочно уходить! – Она посмотрела на часы: – Мне надо бежать бегом...

Обернувшись у порога, она спросила:

– Ты ведь придешь на концерт послезавтра? Приходи, а? А то я одна там буду, как сыч... Ну, с Генрихом только... Эти концерты – мука для меня, особенно перерывов боюсь, потому что надо с людьми общаться. О чем мне с ними говорить? Твои Майкл и Лора участвуют. Мой Робик тоже пару слов вякнет – я обязательно поеду! Я за тобой заеду, если хочешь! Ой, ой, мне пора! Я тебе позвоню!

Выражение паники на ее лице сменилось ужасом. Она выскочила из дома.

– А про философию Толстого я тебе позже объясню! – уже из окна машины выкрикнула она.

Теперь надо готовиться выслушивать лекцию учительницы русского языка и литературы средней школы советского периода. Все-таки Катя – настоящая растрепана, подумала Наташа. Растрепанный она человек, расшатанный, потерявший стержень. Неужели она сама такой скоро станет? Только не от богатства, как Катя, а от бедности. От другой крайности... Вот и про концерт забыла, а ведь Майкл и Лора говорили ей про него...

ГЛАВА 7

Колин вышел из зала аукциона, очень довольный собой. Опять ему пришла на помощь его смекалка, сообразительность, находчивость и предприимчивость. Случайно увидел по телевизору передачу про дилеров античности и удивился, как эти мудаки пускали слюни относительно какого-то поганенького креслица. Он пригляделся – креслице-то было такое же, как у него в квартире, то самое, которому он чуть было не отломал ножки.

Оказывается, в большом ходу было все, что сделано в шестидесятых годах, и Колин, не долго думая, запихал кресло в машину и повез его на ближайший аукцион, где эту развалину некие любители – есть же на свете кретины – купили за немалые деньги. Теперь он сможет заплатить за свою конуру и чем-нибудь себя побаловать.

До вечера было еще далеко, пабы еще не открылись, и он зашел в Макдоналдз, купил Биг Мак на вынос, потом в Лидл, захватил две банки Гиннеса и пошел на пляж.

Народу там было немного – только небольшая компания подростков, прогуливающих школу, и один бомж, мирно дремлющий под шум волн. Начинался прилив, и серые волны подбегали к пляжу все ближе и ближе – сначала неслышно и несмело, потом все напористее и увереннее. Горланили чайки, светило солнце, верхний слой гальки был сухим и теплым, а нижний – влажным и холодным.

Колину скоро стало неудобно сидеть на жестких и острых камнях. К нему с шумом подлетели чайки. Они окружили его и топтались на гальке, скрипящей под их лапами. Огромные, как индюки, они открывали желтые клювы с дрожавшими в них бледными языками, орали дурными голосами и тарасили на него желтые круглые глаза с большими черными кружками зрачков. Колин быстро дожевал Биг Мак, поднялся, засунул неоткрытую банку Гиннеса в карман, а пустую швырнул в чаек. Они со злобными, истошными криками отпрыгнули в сторону, потоптались еще немного, горлопаня и поглядывая на Колина, и вдруг все разом взлетели, замахав мощными крыльями так, что его обдало ветром.

Чертыхаясь, Колин пошел на стоянку, взбираясь вверх по пляжу и хрустя гравием. Посидеть на берегу моря и расслабиться не удалось, но особо расслаживаться ему тут нет резона. Цены за парковку несусветные.

Всю дорогу домой мысль об аукционах и его неожиданном успехе не давала ему покоя. Где бы еще найти старого барахла, на которое найдутся охотники-недоумки? А что, если посмотреть и пошарить у старого хрыча в доме? Ключ у него есть, он уже давно сделал копию. Это не составило никакого труда, все ключи у старика висели на крючочке прямо за задней дверью. В один прекрасный день, когда Колин пришел к нему косить траву, он просто снял ключ с крючочка, а через два часа повесил его обратно. Старый придурок ничего и не заметил, потому что заднюю дверь почти никогда не запирал.

Колин стал вхож к нему под видом садовника. К дому он присматривался давно – большой, запущенный особняк с огромным садом, заросшим бурьяном, сразу вызвал в нем профессиональный интерес, а когда он выяснил, что живет в нем одинокий старикашка, он внутренне подобрался, как охотничий пес.

Он наскреб денег, купил самую дешевую газонокосилку и однажды постучал в его дверь. Дверь была массивная, тяжелая, с не то львиной, не то лошадиной мордой вместо ручки. Ему пришлось долго ждать, пока он не услышал шаркающие шаги внутри.

Наконец дверь медленно, со скрипом открылась, и он увидел хозяина – лысого старика со спутанной седой бородой. Улыбаясь самым любезнейшим образом, Колин сказал:

– Добрый день! Меня зовут Колин, я работаю на местный муниципалитет, – Колин протянул удостоверение, которое сам вчера изготовил, – к ним поступило сообщение, что сад ваш слишком зарос, и они прислали меня, чтобы я вам тут траву скосил, в целях экологии.

Старик долго и подозрительно смотрел на него темными глазами, а потом сказал: – Ну, косите тогда, раз в целях экологии, – и закрыл дверь.

Колин скосил только одну пятую всего сада и упарился: прежде, чем дошло дело до газокосилки, пришлось вырывать бурьян высотой ему до пояса. Прямо как хренов принц, рубящий кусты и рвущийся к спящей красавице, думал Колин, хлеща бурьян палкой. Только тут вместо спящей красавицы он скорее всего найдет какой-нибудь очень некрасивый труп. Колин свалил весь бурьян в кучу и сказал хозяину, что муниципалитет выделил ему только полчаса времени, что ему надо ехать к другому клиенту и что он придет завтра, чтобы продолжить работу.

С тех пор Колин часто навещался к старику. Придав газону более или менее божеский вид, он стал приезжать к нему раз в неделю – пройдет газокосилкой по траве, а потом стучит в заднюю дверь: «Хозяин! Я тут вам покосил». Через некоторое время раздавались уже знакомые шаркающие шаги, хозяин открывал дверь и молча протягивал ему пару фунтов в виде чаевых. Колин рассыпался в благодарности.

Постепенно старик к нему привык и стал пускать его внутрь дома. Но не дальше кухни. Кухня была большая, и там, как Колин и ожидал, все обветшало: дверцы шкафчиков покосились и криво висели на петлях, на некоторых выдвижных ящиках отсутствовали ручки, а на их месте зияли круглые дырки. Впрочем, в приделывании новых ручек не было нужды, старик просто просовывал шишковатый согнутый палец сквозь отверстие, и легко вытягивал ящик, как крючком.

К удивлению Колина, на кухне было довольно чисто, видимо, старик прибирался сам, потому что, судя по наблюдениям Колина, к нему не приходил никто, хоть отдаленно похожий на помощника по хозяйству, – да по сути дела, никто не приходил вообще.

Потом старик стал предлагать ему чаю, и Колин, конечно, не отказывался. Они частенько сидели на кухне и разговаривали. Говорил в основном Колин. Однажды поведал старику, что он, Колин, – один на всем белом свете, нет у него ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер, ни жены, ни детей. Старик не проявил явных признаков жалости и сочувствия, но смотреть на Колина пристально и подозрительно, как поначалу, перестал.

По утрам у него всегда лежала аккуратной стопочкой почта, которую он регулярно просматривал на кухне, и Колин углядел его имя и фамилию, и теперь называл его «мистер Фрэйзер», сделав вид, что знал его имя с самого начала.

Со временем Колин стал раз в неделю покупать ему продукты, за что старикашка ему немножко платил. Предлагал платить больше, но Колин отказывался, потому что делал это по дружески, от всего сердца, а не из-за денег. Слишком много меркантильности стало в мире, вот в чем беда. Люди перестали помогать друг другу бескорыстно, ничего не требуя взамен. Сплошное «купи-продай» на белом свете, и ему больно на это смотреть.

Колин вжился в роль безобидного, простодушного чудака «не от мира сего» и с тайным ликованием видел, что убедил в этом и Фрэйзера. Ему бы «Оскара» за лучшую роль года. Не профессором университета, так актером Голливуда – вот бы кем он мог стать, если бы ему повезло с семьей, образованием, средой, воспитанием и связями.

Однажды утром, приехав с продуктами из Теско, Колин пил со стариком на кухне чай и сказал: «Слава Богу, Рождество пережили! Только беда в том, что оглянуться не успеешь – а уж следующее на носу! Хорошо тем, у кого семья, родственники, а такому, как я, не позавидуешь. Мне в праздники бывает так одиноко, так грустно...».

Старик ответил: «Я тоже один... У меня даже наследников нет. Некому оставить все свое добро». У Колина все замерло внутри. Рука с чашкой чая застыла в воздухе.

Он поборол волнение, отхлебнул чаю и безмятежно сказал: «Ну, мне в этом отношении легче, чем Вам, – мне и оставлять-то после себя нечего. Только рваные штаны!».

И засмеялся весело и добродушно.

Внутренне он потирал руки. Кажется, становилось теплее. Но давить на старика и форсировать события он не будет. Не дай Бог его спугнуть. Дело, похоже, начинает принимать нужный ему оборот, и главное теперь – осторожно направить его в нужное русло.

Вот только ближайшая соседка Фрэйзера из дома напротив, старая вешалка, похоже, не впечатлилась актерским мастерством Колина, и он не мог понять, почему. Невзлюбила его, несмотря на все его улыбочки, махания ручкой и шарканья ножкой. Вполне возможно, она каким-то образом увидела, что он пнул кота, забредшего к Фрэйзеру в сад, а кот этот, очень может быть, принадлежал ей. Никакого другого объяснения ее неприязни он найти не мог. Конечно, с котом он допустил ошибку, промах и недогляд. После этого он стал осторожнее и всегда, находясь в саду, с благостным видом нюхал цветочки и нежно гладил листочки – вдруг старая перечница следит за ним из своего окна в бинокль...

Видел он эту соседку – ее накрашенную кислую рожу и поджатые губы – всего три раза, мельком, не считая того случая, когда в ее окне шевельнулась занавеска. Он готов был дать голову на отсечение, что это была она, – подглядывала за ним, стерва, когда он косил траву на передней лужайке, у главного входа в дом.

Именно она однажды утром обнаружила старика лежащим пластом на этой самой лужайке и вызвала скорую помощь, о чем она и поведала ему неделю назад, когда он выволакивал газонокосилку из багажника. Он вздрогнул и чуть не выронил ее себе на ноги, когда неожиданно услышал над своим ухом:

– Вам больше нет нужды сюда приезжать.

Резко обернувшись, он оказался лицом к лицу с этой миссис Букэй, как он ее про себя окрестил. Вылитая баба из сериала «Соблюдая приличия» – интересно, какой у нее муж – наверняка такой же затюканный Ричард.

– Мистер Фрэйзер неважно себя чувствует, у него был легкий инсульт, я совершенно случайно увидела его в обморочном состоянии и вызвала скорую. Сейчас он в больнице, а потом он отдохнет неделю в пансионате. Он совершенно поправился и, слава Богу, опять может двигаться. – Букэй говорила хорошо поставленным, уверенным голосом. – Ваши услуги, мой дорогой, ему пока не требуются, по крайней мере, на то время, пока его нет дома. Вы сможете заняться своими делами, наверняка их у Вас накопилось великое множество.

Колин разозлился на «моего дорогого». Богатая, избалованная сука «из высшего общества» смеет разговаривать с ним таким покровительственным, снисходительным и немного брезгливым тоном! Как с каким-то насекомым. С еле сдерживаемой яростью он изобразил улыбочку, поахал-поохал, спросил, в какой именно больнице он находится и в какой пансионат его направят. Он бы очень хотел его навестить. Поддержать морально.

Ведь мистер Фрэйзер – расчудесный человек, благослови его Бог, и ему чертовски повезло с соседкой – она же, говоря без обиняков, спасла ему жизнь! Он, Колин, помогает ему, как может, от всей души, не за деньги, потому что верит, что доброта спасет мир, ведь что на свете творится в последнее время! Террористы подняли головы и совсем распоясались! От иммигрантов спасения нету – как будто поляков мало было, так теперь еще и румыны прут! Столько людей рассиживается на пособиях, лодыри, а ведь это мы с вами за них платим. Он, Колин, никогда не брал себе никаких пособий, потому что это нечестно. Он предпочитает работать закатав рукава и не покладая рук.

Букэй немножко смягчилась и дала ему номер телефона больничной палаты. Царственно кивнула ему, царственно же развернулась и ушла к себе в дом. Колин косить не стал, погрузил газонокосилку обратно в багажник и уехал.

Он навестил старика в больнице один раз, на всякий случай разузнал, в какую богадельню его отправят на поправку, чтобы держать ситуацию под контролем, и приготовился ждать – больше ему ничего не оставалось делать.

...Колин припарковал машину у задней двери дома, отпер ее новеньким и блестящим ключом и вошел в кухню. Тут ему все было знакомо. Никаких ценностей на кухне не было, одни ложки-вилки и тарелки.

Он прошел дальше, в столовую. Там было темно, окна были зашторены плотными занавесками. Он чуть раздвинул их и огляделся: массивный стол в окружении стульев с высокими спинками, два высоких шкафа. Колин заглянул в них: в нижней части – скатерти, салфетки, свечи, вазы... В верхней, застекленной – фарфор и серебро. Неплохо! Есть чем поживиться...

Из столовой он вышел в широкий полутемный коридор, упирающийся в парадную дверь с небольшим вестибюлем перед ней. Пол в вестибюле был выложен ядовито-зеленой и купоросно-синей узорной плиткой викторианских времен.

По обеим сторонам коридора располагались еще четыре комнаты. Колин заглянул в каждую из них: одна была забита книгами, в другой стоял рояль, в третьей – письменный стол.

Колин зашел в четвертую – гостиную. Шторы в ней были раздвинуты, и было светло.

Старинная мебель темного дерева, персидский ковер, стены обшиты деревянными панелями. Картины на стенах. Колин подошел поближе. Поверхность шероховатая, с мазками – значит, оригиналы. Интересно... Было довольно чисто, даже пыли совсем немного. Хотя какая-нибудь помешанная на уборке тетка могла бы тут с Колином не согласиться. Никаких безделушек и фотографий на каминной полке и на двух низеньких столиках с гнутыми ножками не наблюдалось. Столики тоже интересные... Только громоздкие. Надо подумать, как их выносить, если надо будет...

Он открыл резные дверцы шкафа и заулыбался. На полочках стояло великое множество стаканов, фужеров и бокалов всевозможных форм, размеров и цветов. Толстяки с сальными волосами из той передачи исходили из-за стаканов слюной.

Он сбегал на кухню, навтыгивывал полиэтиленовых пакетов из висящего на стене длинного мешка, заскочил в кабинет, схватил лежащую на полу за дверью стопку старых газет, прибежал обратно в столовую и начал осторожно заворачивать каждый стакан в газеты. Руки почему-то вдруг задрожали.

Колин вытаскивал стаканы из задних рядов, оставляя передние нетронутыми – вдруг старикашка помнит, где у него что стоит и хватится своих стекляшек, когда выпишется...

Он заполнил стаканами два пакета и уже расправлял третий, как вдруг раздался звонок в переднюю дверь.

Колин замер. Кто бы это мог быть? Первой мыслью было не открывать – к старику вообще никто ни когда не ходит. Это какие-нибудь Свидетели Иеговы¹. Постоят и уйдут.

Но Свидетели Иеговы продолжали трезвонить. Колин осторожно поставил оба пакета со стаканами в угол за шкаф, на цыпочках подошел к двери и посмотрел в глазок. Он выругался. Там стояла Букэй – раздери ее черти!

– Колин! Колин! Откройте, я знаю, что вы там, – требовательно зывала она.

Колин сделал неимоверное усилие, чтобы придать лицу приветливо—придурковатое выражение и открыл дверь:

– Ааа, миссис Бук... Простите, не знаю Вашего имени! Очень рад вас видеть!

– Миссис Эттвуд. Что Вы здесь делаете? Как Вы проникли внутрь?

– Мистер Фрэйзер дал мне ключ, благослови его Бог. Позвонил мне и попросил, чтобы я принес ему фотографии и старые письма, – брякнул Колин первое, что пришло ему в голову.

– Он сам Вам позвонил? – недоверчиво спросила Эттвуд—Букэй.

Как она, черт побери, узнала, что он тут?!

– Ну да, конечно... Извините, мне надо было Вас предупредить, что я к нему зайду – Вы, наверное, подумали, что это грабители, – а это всего лишь я, Колин.

¹ Религиозная организация «Свидетели Иеговы» запрещена в РФ.

– Я знала, что это Вы. Я случайно увидела Вас в окне, когда Вы отодвинули шторы. Стерва! Она следит за ним, за каждым его шагом. В этом теперь нет никаких сомнений.

– Ну что ж... Не буду Вам мешать, – ядовито сказала Букэй. – Могу я предложить Вам свою помощь?

Только этого ему не хватало!

– Нет-нет, что Вы, спасибо, мистер Фрэйзер сказал мне, где все лежит – в верхнем ящике письменного стола, в кабинете, – я прямиком туда, заберу фотографии и сразу уеду.

Букэй ушла, поджав губы. Сука, злобно подумал Колин, чтоб тебя парализовало, высокомерная корова.

Теперь надо будет действительно найти письма и фотографии и принести их старому пердуну, потому что она, как пить дать, все проверит. Не хотел он светиться в доме престарелых... Но может, оно и к лучшему, если Колин посетит дедульку. Выразит заботу и внимание. Он ведь добрейшей души человек, само бескорыстие и милосердие.

Он прошел в кабинет и выдвинул верхний ящик письменного стола. Он был пуст. А чего же он ожидал, усмехнулся про себя Колин. Если он придумал, что бумаги в ящике стола, это не значит, что они непременно там и будут.

В кабинете вообще не было никаких бумаг, кроме недавних счетов.

Надо поторапливаться. Эта стерва наверняка уже удивляется, почему он так долго тут торчит. Не дай Бог, припрется еще раз... Он взбежал наверх.

В четырех из пяти спален он ничего не нашел, кроме старых журналов. Как в современном мире можно ухитриться жить без бумаг? Даже у него, Колина, было пять папок в тумбочке под телевизором. А ведь у старика даже не было компьютера – в этом случае бумаг должно быть великое множество.

В пятой, самой маленькой спальне, совсем не было мебели, кроме шкафа, запертого на висячий замок. Отпереть его – легче легкого. У Колина всегда при себе был складной перочинный нож.

Он открыл скрипучую дверцу. Наконец-то! Вот они где, все его бумаги... Перед ним предстали полки с выстроенными в ряд черными папками. На нижней полке лежал большой, размером А-4, белый конверт с потрепанными углами. Колин второпях заглянул в него – черно-белые фотографии, пожелтевший маленький конвертик с какими-то иероглифами – Колин схватил конверт, сбежал вниз, подхватил два пакета со стаканами. Предварительно оглядевшись по сторонам, выскочил через заднюю дверь, добежал до машины и положил пакеты в багажник.

Он зашел обратно в дом, прихватил конверт и беспечно вышел через переднюю дверь. Кажется, в окне дома напротив мелькнула раскрашенная морда. Он на всякий случай дружески помахал ей рукой и с беззаботным видом зашагал прочь. Скрывшись из ее поля зрения, трусцой побежал к задней двери дома, сел в машину и поехал в пансионат. Колин не мог не навестить своего одинокого престарелого друга, благослови его Бог.

Пансионат он нашел без труда, и, прежде чем войти, повнимательнее рассмотрел содержимое конверта.

Десять черно-белых фотографий: молодой чернокудрый парень, обнимающий смеющуюся чернявую худенькую девушку; девочка лет трех, держащая у себя на коленях младенца; несколько снимков девочки и мальчика – и вместе, и порознь; полная чернявая молодая женщина, в которой можно было узнать худенькую девушку на снимке рядом с парнем; несколько снимков их всех четверых; стройная блондинка с распущенными волосами, в мини-юбке, с шикарными ногами; все тот же чернокудрый парень, стоящий рядом с этой же блондинкой, ростом вровень с ней, он ее обнимает и смотрит на нее, как влюбленный осел; длинный офисный стол с сидящими за ним людьми в костюмах, среди них – та белокурая красотка, волосы забраны вверх, брови сдвинуты, лицо сосредоточено, губы сложены в букву «О» – наверно,

что-то говорит, потому что все головы обращены к ней; стоящий на лужайке смуглый красавец в плавках, вокруг него веером лежат девушки в отдельных купальниках, изогнувшись в кокетливых позах, а он, в роли хозяина гарема, взирает на них, решая, которую из них выбрать...

Кто они все такие? Друзья, родственники? У него же никого нет... Если родственники, куда они делись?

Смутное беспокойство неприятно ковырнуло мозг. Может, не отдавать пока конверт? Уточнить сначала, куда делось его семейство? Хотя, если все пойдет по плану, оно Колину помехой не будет... Ладно, конверт он ему все-таки отдаст, а потом незаметно заберет. На всякий случай.

Он запихал фотографии и письмо обратно, вылез из машины, подошел к крыльцу с длинными деревянными ящиками с желтыми и синими цветами по обеим сторонам, и нажал белую кнопку звонка. Ждать пришлось долго. У двери воняло мочой и немощью, на память пришла любимая женушка, и его передернуло. Была бы его воля, он бы всем старикам посворачивал шеи, как курам. Уложил бы их всех в ряд – и всем по очереди бы... Хрясь, хрясь... С каким удовольствием он бы это сделал, если бы у него была стопроцентная гарантия, что он не попадется!

Наконец дверь ему открыла запыхавшаяся тетка с потным красным лицом и темными кругами под мышками. Он представился, сказал, что он давний друг мистера Фрэйзера, который просил его к нему зайти и принести кое-какие вещи. Тетка извинилась, что заставила Колина ждать и проводила его в комнату мистера Фрэйзера, сказав по пути, что ему, к сожалению, стало немножко хуже, и он отказался сегодня вставать.

Войдя в его комнату, Колин остановился как вкопанный.

«Немножко хуже»! Перед ним на кровати лежал почти труп с мертвенно-бледным, осунувшимся, перекошенным на одну сторону лицом. Труп открыл глаза, сказал ввалившимся ртом: «А, Колин...» и слабо приподнял иссохшую пятнистую руку с синими выпирающими жилами, как бы для рукопожатия. Колин не хотел жать ему руку, но пересилил себя и притронулся к ней кончиками пальцев. Не забыть бы вымыть руки после этого, подумал он.

– Вот, мистер Фрэйзер, принес Вам фотографии, может, Вам захочется посмотреть их на досуге...

Фрэйзер никакого интереса к ним не проявил, попросил положить их в ящик тумбочки и закрыл глаза. Колин открыл верхний ящик – там была расческа с застрявшими в ней седыми волосенками и нераспечатанная пачка мыла. Потом выдвинул второй – он был пуст – и сложил фотографии туда.

Постучав в дверь, зашла тощая девица и спросила прокуренным голосом, все ли в порядке и не хочет ли он чаю. Колин вежливо отказался – еще не хватало тут чай распивать, в этом рассаднике заразы! – и сказал, взглянув на заснувшего старика, что, пожалуй, пойдет. Девица сказала, что проводит его до двери, потому что у нее сейчас десятиминутный перерыв на перекур и ей надо глотнуть свежего воздуха.

Они вышли на крыльцо, она закурила и сказала ободряюще:

– Вы не беспокойтесь насчет Гарри. У него был еще один мини-инсульт, и сейчас ему плоховато, но он поправится, у нас тут это сплошь и рядом – думаешь, что человек вот-вот Богу душу отдаст, родственники у него дежурят, – а он раз – и на поправку пошел! Такая вот работа у нас – не соскучишься!

Девица игриво улыбнулась ему, обнажив гнилые зубы, и спросила, не желает ли он закурить. Колин сказал, что не курит, и девица заговорила о том, что она любит людей без вредных привычек. Колин поспешно распрощался с ней и сел в машину, чертыхнувшись про себя, что забыл вымыть руки.

Надо что-то срочно делать. Мало ли что эта мымра говорит... Вдруг старикашка очо-
рится не сегодня-завтра... Выжидательная политика больше не годится. В план действий надо
внести коррективы.

ГЛАВА 8

Если бежать вдоль забора во весь дух, то он превращается в сплошную серую массу. А если идти медленно – то расчленяется на множество вещей. На шершавые желто-серые доски; на колючие зазубрины, чреватые занозами; на непонятные гладкие дырки (Колька говорит, что они от сучков, но это все равно непонятно); на кривые щели; на грядки и яблони соседского огорода; на прибившийся внизу пыльный подорожник; на снующих муравьев. И дыхание при этом ровное, и не жарко.

Идти медленно – гораздо интереснее. Но иногда хочется бежать. Тогда она, маленькая девочка, которой мама и бабушка всегда или велят, или запрещают что-то делать, может таким обыкновенным действием – простым бегом – без всяких волшебных палочек и заклинаний превратить доски, щели, зазубрины, соседский огород, пыльный подорожник и муравьев в одну сплошную массу. И забор – уже не забор.

Но тогда потеешь и тяжело дышишь. Вбегаешь в полутемные сени, гремишь опрокинутым ведром, из комнаты выскакивает переполошенная бабушка и кричит: «Кто за тобой гнался, горе мое?». Говоришь ей: «Я не хотела сегодня видеть муравьев», а она хватается за голову, уходит в комнату и кричит маме: «За твоим ребенком сегодня гнались муравьи! Что за фантазии! устроила погром в сених, доведет меня когда-нибудь до инфаркта, ей-богу...».

Из глубины дома доносится ленивый голос: «Мама, оставь ребенка в покое... Тебе не угодишь: сидит тихо, книжки читает – плохо; шумит – опять неладно...».

...Наташа сидела в кресле, положив ноги на табуретку. Надо мимо этой ночи тоже пробежать, сломя голову. Тогда она скорее закончится, и можно будет уйти домой, полежать в ванной, выпить чаю и забраться в постель. И завтра утром ночное дежурство будет казаться ей сплошной серой массой, а не привычным кошмаром, расчлененным на множество деталей. Размазанные по полу выделения из организма; тумачи и пинки от резидентов; вопли новенькой старушки «Помогите! Выпустите меня отсюда!»; огромные страшные синяки у Мэри на боку, попе и бедре...

Смену Наташа принимала сегодня вечером у Эдизы. Большинство филиппинцев не выговаривало звуки «в», «ф» и «р». Эдиза была в их числе.

– Любопы моя, какой у нас сегодня был сумасшедший день! Делек и Плэд подлались. Плэд плышел б опис, на лице – клопы! Я так испугалась, бызбала сколую. Ему делали шоб на голобе! Мэли упала с лестницы! Покатилась кубалем! Я опять бызбала сколую! Слаба Богу, псе п полядке, никаких пелеломов, но не пугайся, когда убидишь на ней синяки!

Наташа все-таки испугалась, когда увидела на ней синяки.

—

Мама очень испугалась, когда увидела на ней синяки.

Она сшила Наташе новое платье. Наташа приехала на праздники домой и примеряла его перед зеркалом. Тут-то и предстали маминому взору Наташин темно-зеленый бок, багровая половина попки и синее бедро. Наташа увидела в отражении зеркала мамино белое лицо, слившееся с белизной простыни на ее кровати.

– Тата! Что случилось? Тебя избивали? Ты попала под машину?!

– Да нет, – засмеялась и замахала руками Наташа. – Я упала.

Они с Федькой ходили в гости на вечеринку к его друзьям. Зачем она туда поперлась, ей было непонятно до сих пор. Он ведь сказал ей, что они знают его жену. «Но это ничего, – добавил он. – Пойдем со мной». И он пошла – потому что он ее попросил. Даже если бы он попросил ее спрыгнуть с моста, – она бы спрыгнула. Ему было бы достаточно присесть перед

ней на корточки, взять за руку, посмотреть на нее долгим взглядом и сказать мягко: «Малыш... так надо». Она бы поплакала, но пошла бы на мост и прыгнула. В этом она не сомневалась.

Собирались на квартире у одного из его однокурсников, Макса, где-то в районе метро «Университет». Пришли они туда не вместе. Федька сказал, что ему надо быть у Макса пораньше, а Наташу попросил подъехать часам к девяти. Дал ей адрес и положил в ее сумку бутылку водки.

На вечеринке были одни пары – и женатые, и только собиравшиеся пожениться. Многих она знала в лицо, как второкурсники знают пятикурсников, но лично знакома с ними не была. Они ее, конечно, видели в первый раз. Наташа чувствовала себя неловко (в качестве кого она тут присутствует?), но девочки обращались с ней приветливо, без яда, все время предлагали ей что-нибудь поесть, сами скинули туфли на каблуках и ее уговорили.

Скоро Наташа поняла, что их внимание целиком поглощала девушка, пришедшая с парнем по имени Боб. Он привел ее в их компанию в первый раз. Почему-то они ее сразу же невзлюбили. Видимо, на то были какие-то внутренние причины.

Они держали ее в поле зрения. Переглядывались, если она что-то говорила. Делали вид, что не расслышали, если она что-то спрашивала.

За столом она сидела на коленях у Боба. Ей предложили стул, но Боб ее не пустил. «Своя ноша не тянет», сказал он.

Маша (так звали девушку) попробовала салат и спросила:

– Это сырая свекла?

Даша, жена Макса, холодно ответила:

– Нет, свекла не сырая. Я ее варила собственными руками.

– Ну, значит, немножко недоваренная, потому что твердоватая.

Дашины подруги процедили:

– А если и сырая? Это криминал?

Наташу они взяли в союзницы. У Наташи закралось подозрение, что если бы не эта злополучная Маша, то гонениям и притеснениям подверглась бы она. Несмотря на Федькину «легенду». Наверняка у него была какая-то «легенда»: неспроста же он попросил ее прийти попозже и с бутылкой водки. Не такой же он дурак, чтобы внаглую приводить свою любовницу в компанию, где все знают его жену...

Федька напился и вел себя, как клоун. Он не подходил к ней весь вечер. Он все время вертелся около девушек. Он приставал, хотя и шутя, к Даше. Он всех смешил. Его кто-то спросил, бывает ли он когда-нибудь серьезным, а он ответил, что серьезным его видели только два человека: его мать и его жена. За жену он несколько раз поднимал тост.

Макс, как радушный хозяин, пригласил Наташу танцевать. Наверно, из жалости...

В такси Федька сразу уснул, прислонившись к Наташиному плечу. Она тихо, стараясь не всхлипывать, плакала.

Наташа попросила таксиста остановиться у клуба Русакова, чтобы не выходить из машины на глазах у вахтера. Разбудила Федьку, он расплатился, они выбрались из такси.

До общежития оставалось еще метров сто. В воздухе чувствовался морозец. Слякоть на тротуаре затвердела. Федька надел капюшон Наташе на голову и увидел ее опухший и красный нос.

– Малыш... Малыш, прости меня, я дурак, кретин, молол чушь... Я козел. Извини меня, пожалуйста. Что мне сделать, чтобы ты меня простила?

Он вдруг встал перед ней на колени.

– Хочешь, я понесу тебя на руках до самой комнаты, у всех на виду? Мне плевать.

Он подхватил ее на руки и побежал. Через несколько шагов споткнулся и растянулся во весь рост, не выпуская Наташу из рук. Они вместе по инерции пробороздили пару метров асфальта.

Чуть не плача, Федька помог ей подняться. На его руке от запястья до локтя была кровоточащая ссадина, а часы разбиты всмятку. Наташины джинсы и подол куртки были покрыты грязью. Боли она не ощущала.

– Я самый большой идиот во всем белом свете, – убитым голосом сказал он.

Таким жалким и растерянным Наташа никогда раньше его не видела.

Она взяла его за уши, притянула к себе, поцеловала и сказала: «Ш-ш... Иди вперед. Я сосчитаю до двадцати и пойду за тобой»...

—

Наступило время очередного обхода – четыре часа утра. Кэрол храпела, растянувшись на диване. Джоу, давняя подруга Кэрол, которую та устроила на работу недели две назад, встрепенулась, когда Наташа встала, и они вместе попытались разбудить Кэрол. Кэрол открыла один глаз, мутно посмотрела на них, что-то промычала, и перевернулась на другой бок.

Наташа и Джоу махнули на нее рукой и пошли делать проверку без нее. Наташа сказала:

– Бродят или просто не спят обычно одни и те же. Начнем сверху или снизу?

– Мне все равно. Только, пожалуйста, давай не будем разделяться! Не посылай меня одну! Давай проверять вместе. Я их боюсь. Никогда раньше в домах престарелых не работала...

– Да пожалуйста... Пошли тогда наверх.

Поднимаясь по лестнице, Джоу спросила:

– Я слышала, ты теперь только в ночную смену будешь работать? Дневные бросила?

– Мне так будет удобнее. Три полные ночные смены в неделю – и получается тридцать шесть часов. Полная ставка. А днем, чтоб эти тридцать часов отработать, надо приходить сюда каждый день. У меня слишком много дел, чтобы приходить сюда каждый день. И двое детей. И еще одна работа...

– Я видела, что тут днем творится. Кошмар! Все носятся, как угорелые, телефон без конца трезвонит, начальство вечно под боком. Иногда за всю смену даже присесть не удастся.

– Конечно. Я после этих смен пальцем пошевелить не могла, не то что детям ужин приготовить или подбросить их куда-нибудь.

– В ночную смену тоже очень тяжело, но все-таки можно посидеть часа два, а то и больше, если повезет. Можно и поспать, если начальница смены хорошая, – усмехнулась Джоу, покосившись на Наташу.

– Мое мнение такое: пусть это и не разрешается, но спите, сколько хотите – при условии, что резиденты от этого не пострадают.

– Поэтому все хотят работать с тобой, а не с Бернадетт. У нее даже присесть нельзя – испепелит взглядом. А ты такая спокойная... И смены у тебя спокойные, нет такой неврастности, как у нее! Даже Кэрол при тебе становится уравновешеннее. Это невероятно... Она ведь не человек, а тысяча вольт! Я ее знаю уже лет двадцать пять, со школы.

Они начали осторожно заглядывать во все комнаты по очереди. На третьем и втором этажах было тихо, все резиденты спали безмятежным сном. Только Китти на скрип двери открыла глаза и жалобно спросила:

– Что, уже пора в школу?

Ее уверили, что в школе выходной, и она опять уснула.

Внизу Дерек бродил по коридорам, снимал картины со стен и складывал их аккуратной стопкой в углу. Катетер его, слава богу, был на месте. Дерек поблагодарили за помощь и отвели обратно в спальню.

Тощенькую и злобенькую Джоан они застали в процессе одевания.

Каждое утро она просыпалась около четырех часов, какала сухими овечьими шариками в горшок-стульчик, именуемый комодом (у резидентов победнее они стояли прямо в спальнях,

а у тех, кто побогаче, были отдельные туалетные комнаты), одевалась, выходила в коридор и ковыляла по нему взад-вперед часа два.

Надевала она несколько юбок, брюк и кофт. Поверх последней – бюстгальтер. На шею небрежно накидывала, как легкий шарфик, капроновые чулки. На костлявое плечико вешала черную сумочку на длинном ремешке. Наташе она всегда кого-то смутно напоминала.

Останавливать, уговаривать, отводить ее обратно в спальню было совершенно бесполезно. Некоторые упорно укладывали ее обратно в кровать, но она с таким же упорством опять вставала, одевалась и отправлялась в путь, бессмысленный для всех окружающих, но имеющий, по всей видимости, огромное значение для нее. В результате, после долгой и изнурительной борьбы и тот, кто загонял ее в постель, и сама Джоан доходили до белого каления. Наташа позволяла ей бродить. Она была против какого бы то ни было насилия над личностью. Ведь в конце концов Джоан уставала и ложилась в постель сама.

Джоан уже почти закончила свой туалет. Джоу пришла в восторг:

– Ну и чучело! Только шляпки не хватает!

Ах да... Ей бы шляпку... И тогда она будет – вылитая Гипотенуза!

Они вынесли горшок с овечьими шариками, спустили их в унитаз, вымыли его и оставили Джоан в покое. Пусть дефилирует.

Изабелла опять собрала чемодан и сидела, одетая, в кресле. Ждала автобус. Все фотографии и безделушки были, по обыкновению, завернуты в трусы и майки и разложены на кровати.

– Дитя мое, – благосклонно сказала она Наташе, – я могу все эти вещи оставить тебе, в знак признательности за твои старания. В конце концов, они тебе нужнее, чем мне. У меня еще есть.

Наташа поблагодарила ее, Джоу убрала вещи с ее кровати и вместе с Наташей помогла Изабелле лечь обратно в постель. Наташа сказала, что автобус придет в десять утра, и у нее еще уйма времени, чтобы поспать.

Зашли к Гарри – тот сидел на краю кровати, вцепившись в ее края руками. Он немного поправился после второго инсульта и даже начал вставать. У него горел верхний свет. Вот, даже свет смог сам включить. Он рявкнул на них: «Пошли вон!». Только с головой у него стало хуже. Они вышли. Наташа объяснила:

– Если резидент в агрессивном настроении, то ни в коем случае нельзя ввязываться с ним в спор. Ты ему ничего не докажешь, только взвинтишь его еще сильнее. Лучше всего – отойти от него, выйти из комнаты, а через некоторое время опять заглянуть – и лучше, если это будет другой человек. Другое лицо – другая реакция.

– Ты хочешь сказать, что я сейчас должна буду зайти к нему одна?

– Вот именно. Не бойся, я буду тут, за дверью, в случае чего.

Наташа слегка подтолкнула Джоу, и та зашла в комнату Гарри, но сразу же вышла.

– Он тебя просит зайти, – с облегчением сказала она.

Наташа зашла.

Гарри все так же сидел на кровати. Он протянул ей руку:

– Прости меня.

– Что Вы, что Вы, не извиняйтесь. С кем не бывает. У кого не бывает минут, когда хочется послать всех подальше. Ложитесь спать и ни о чем не переживайте. Еще очень рано, только пятый час.

Гарри сказал: «Я все равно виноват», и послушно лег. Наташа спросила его, не хочет ли он в туалет, он покачал головой и закрыл глаза. Из-под век покатались слезы. Наташа погладила его по голове и спросила, выключить ли свет, но он попросил его оставить. Большинству из стариков, как маленьким детям, было страшно в темноте.

Наташа и Джоу вернулись в гостиную.

– Я заметила, что ты резидентам подыгрываешь... Я про школу, про автобус... Это что, так полагается? – спросила Джоу.

– Вот это очень интересная тема, – сказала Наташа. – Еще пару лет назад правила были такие, что если резидент начинает пороть чушь – где мама, как я тут оказался и все такое – то надо было возвращать их на землю и говорить правду: мама, мол, умерла, а Вы в доме престарелых, потому что сами за собой ухаживать больше не в состоянии. Но что в этих случаях происходило? Резидент начинал или рыдать, или беситься. Его настроение передавалось всем остальным резидентам – в результате весь дом стоял на ушах! Слава Богу, кому-то пришлось наконец в голову пересмотреть правила.

Проснувшись Кэрол и запричитала:

– Почему вы меня не разбудили? Я полностью отрубилась... Господи Иисусе! Если бы вы знали, какой у меня был день! Хью напился и бушевал всю ночь и потом еще полдня. Я позвоню сегодня утром Дениз и честно ей признаюсь, что заснула – из-за семейных обстоятельств.

– Да не убивайся ты так, – успокоила ее Наташа. – Заснула и заснула – какая разница.

– Хорошо, что это ты, а не Бернадетт... У этой все-таки не все в порядке с мозгами. Как можно настолько заикнуться на том, кто спит на работе, а кто нет? И вы заметили, с какой ненормальной аккуратностью она складывает белье? Я его, например, сложу, а она все переделывает – тут же, у меня на глазах! Я уже разговаривала с Дениз. Я ей прямо сказала, что работать с Бернадетт не могу и не буду.

Кэрол тут же добавила, что Дениз слишком мягкотелая, что нет никакого смысла жаловаться ей на Бернадетт, потому что она палец о палец не ударит, чтобы разрешить какой бы то ни было конфликт, она, по ее мнению, побаивается Бернадетт, потому что Бернадетт вся из себя такая правильная, она все делает согласно уставам и положениям, она закончила третий уровень курса по уходу за престарелыми и больными. И кроме того, Дениз вообще говорит людям только то, что они хотят услышать.

Джоу задремала. Посмотрев на нее, Кэрол сказала:

– Ты ее предупредила, что спать на работе не разрешается? Я ей сказала, чтобы она поосторожнее тут. Никому доверять нельзя, все так и норовят вонзить нож в спину. Я за нее очень беспокоюсь, мы ведь с ней столько лет дружим!

Кэрол хорошо выспалась, и ее охватило служебное рвение.

– Я вот ходила в туалет, и видела, что Джоан слоняется по коридорам. Я пойду уложу ее обратно.

– Ну попробуй, если хочешь. – Наташа вдруг почувствовала смертельную усталость. – Только ты же знаешь, что это бесполезно. И все равно уже почти пять часов утра.

– Нет-нет, это будет расцениваться как халатное отношение, если мы ее не уложим. Для ее здоровья лучше, если она будет лежать и спать. – Кэрол вскочила и убежала отлавливать Джоан.

Вернувшись, она сообщила, что Джоан переодета в ночнушку и лежит в постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.